

9(c)173

М 64.

ПРОЦЕДУРА

В. П. Миролюбовъ.

9(47):355"1903-1905"

М-263-2

Дневникъ

Запасного Врача

(въ Русско-Японскую войну 1904—05 г.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1918 80.

ТОМСКЪ.

ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1907.

9(c) 173
М 64

Уважаемому Профессору

Михаилу Михайловичу
Попровскому

9(44) 355 1903-1905

М-263-2

19^{III}
19 08.

Дневник запасного врача.

Часть I.

Начальная часть этого дневника была утрачена во время наводнения въ Южной Маньчжуріи. Поэтому она воспроизведена въ формѣ воспоминаній.

Начало военной службы.

31 января 1904 г. я былъ призванъ на дѣйствительную военную службу вмѣстѣ съ другими товарищами. Трое изъ насъ были назначены въ дивизионный лазаретъ младшими врачами, другіе распределены по полевымъ подвижнымъ госпиталямъ.

Въ началѣ февраля мы прибыли къ мѣсту назначенія. Однако работы тамъ для насъ на первыхъ порахъ не было никакой. Всѣ названныя учрежденія нашей дивизіи только еще формировались, дѣло формированія не входило въ наши служебныя обязанности, да и люди мы были въ этомъ дѣлѣ новые, несвѣдущіе.

Между тѣмъ у дивизионнаго врача шла напряженная и спѣшная работа. Всѣ наши медицинскія учрежденія предназначались къ дѣятельности на театрѣ войны. Нужно было добыть, собрать и привести въ ярядокъ имущество, необходимое для каждаго учрежденія, а равно набрать и низшій служебный персоналъ.

Въ канцелярію дивизионнаго врача то и дѣло являлись за справками и разъясненіями то главные врачи обоихъ госпиталей, то завѣдующіе хозяйственною частью госпиталей смотрители-офицеры и другія лица. Все это сопровождалось

1-655001

Медицинскій
Протоколъ № 9733

безконечнымъ писаньемъ, копаньемъ въ уставахъ, циркулярахъ, приказахъ, предписаніями, отношеніями, запросами и пр. и пр. и занимало утро и вечеръ.

Кое-что, впрочемъ, и мы, лазаретные врачи, тутъ помогали: что нибудь провѣряли, записывали и пр. Потомъ одинъ изъ насъ сталъ завѣдывать санитарной частью лазаретной команды, а другой—команды штаба дивизіи. Намъ давались также нѣкоторые порученія, въ родѣ осмотра казармъ мѣстнаго полка, кухонь, хлѣбопекарень. Обо всемъ замѣченномъ, хорошемъ и плохомъ мы сообщали («докладывали») дивизионному врачу. Но въ общемъ работы было очень мало. Не малая часть служебнаго времени употреблялась на ходьбу и сидѣнье въ канцеляріи въ ожиданіи или какихъ-нибудь распоряженій, или очереди для сообщеній по службѣ.

Впрочемъ, за это время мы познакомились немного съ санитарной стороною солдатскаго быта. Питаніе нижнихъ чиновъ, по моему впечатлѣнію, было вполне удовлетворительное, хотя и однообразное нѣсколько: свѣжее мясо, щи, каша, супъ, каша, весьма рѣдко рыба. Бывалъ иногда плохой хлѣбъ, то недопеченный, то затхлый. Но это случалось рѣдко и устранялось, когда доводилось до свѣдѣнія начальства. Въ казармахъ, конечно, пахло «русскимъ духомъ», но въ общемъ было порядочно свѣта и воздуха. За порядкомъ слѣдили «дневальные», но нельзя сказать, чтобы внимательно: на мѣстѣ ихъ обычнаго пребыванія мы, при осмотрѣ казармъ, нашли на подоконникѣ цѣлую грудку хлѣбныхъ объѣдковъ, сильно заплѣсневѣвшихъ и покрытыхъ слоемъ пыли. На вопросъ, какъ допустили такое безобразіе, былъ обычный солдатскій отвѣтъ: „не можемъ знать“. Кровати были не у всѣхъ солдатъ. Многіе спали на матахъ, которые дѣлали себѣ изъ соломы. Для этого мелкіе пучки соломы около аршина длиной и приблизительно въ руку толщиной складывались параллельно въ одной плоскости и прочно связывались бичевкой. Маты разстилались прямо на полу. Подъ голо-

вами у однихъ солдатъ были подушки, другіе подкладывали свои сумки. Одѣялами служили иногда «шинели».

Прибывавшіе запасные распредѣлялись по обывательскимъ квартирамъ. Одежда и обувь имъ выдавались новыя.

Занятія съ санитарями.

Въ мартѣ у насъ начались санитарныя занятія съ командой лазарета. Дивизионный лазаретъ есть ничто иное, какъ главный перевязочный пунктъ всей дивизіи. Онъ открывается и работаетъ главнымъ образомъ только во время боя. Въ это время средствами лазарета доставляются раненые съ передовыхъ перевязочныхъ пунктовъ и съ позицій на главный перевязочный пунктъ. Здѣсь раненымъ оказывается медицинская помощь, ихъ подкрѣпляютъ пищей и, давше отдохнуть, отправляютъ въ тыловыя медицинскія учрежденія арміи: полевые подвижные госпитали, транспортныя поѣзда и пр.

Во всей этой работѣ существенное участіе принимаетъ лазаретная рота носильщиковъ. Поэтому носильщики должны уметь обращаться съ ранеными: въ случаѣ нужды перевязать рану, остановить кровотеченіе, уложить на носилки, въ экипажъ.

Научить всему этому носильщиковъ вмѣняется въ обязанность врачамъ. Для этой цѣли приходится излагать самыя элементарныя свѣдѣнія по анатоміи, физиологіи и ученію о повязкахъ.

Работа эта заинтересовала меня помимо ея прямого отношенія къ предстоящему дѣлу еще и тѣмъ: какъ въ простыхъ солдатскихъ головахъ будутъ укладываться совершенно новыя и, при всей элементарности, всетаки, довольно сложныя понятія и представленія санитарной науки.

У насъ не было ни моделей, ни рисунковъ, кромѣ случайно попадавшихся въ руки. Это, конечно, затрудняло преподаваніе. Хорошо еще, что намъ позволили заниматься въ городской школѣ (въ свободные часы), гдѣ мы могли поль-

зоваться классными досками для схематических рисунковъ.

Солдаты слушали съ замѣтнымъ интересомъ. Нѣкоторые изъ нихъ усваивали предлагаемыя свѣдѣнія замѣчательно быстро и даже правильно употребляли и произносили научныя названія.

Помню, какъ-то я разсказалъ имъ объ устройствѣ и дѣятельности сердца и затѣмъ былъ вызванъ по дѣлу изъ классной комнаты. Вернувшись, я засталъ такую картину. У доски собралась кучка солдатъ. Въ срединѣ стоялъ унтеръ-офицеръ и объяснялъ рисунокъ сердца. Я пришелъ незамѣченнымъ и могъ слушать, никого изъ собравшихся не стѣсняя своимъ присутствіемъ.

— Это вотъ, братцы, лѣвый желудочекъ, это правый. Это, стало быть, легочная артерія, а это аорта. Кровь идетъ со всего тѣла къ сердцу по венамъ, проходитъ вотъ сюда, въ предсердіе, и спускается въ правый желудочекъ. А оттуда прогоняется къ легкимъ по легочной артеріи...

Я слушалъ съ удовольствіемъ и удивленіемъ.

— А это, Абрамъ Павлычъ, чево такое онъ тутъ написалъ?

— А это, видишь-ли ты, клапаны называются, или заслонки. Когда кровь вотъ сюда, въ лѣвый желудочекъ, пройдетъ—сердце начинаетъ сжиматься. Тогда клапаны эти закрываются и не пускаютъ кровь на прежнее мѣсто. Вотъ тогда она и уходитъ въ аорту, вотъ сюда. А ужъ изъ аорты расходится по всему тѣлу.

Но тутъ я былъ замѣченъ и публика немного смутилась. Лекторъ остановился. Я попросилъ его продолжать и съ пріятнымъ удивленіемъ прослушалъ его до конца. Все разсказанное мною этотъ унтеръ-офицеръ воспроизвелъ толково и довольно обстоятельно. Я узналъ потомъ, что онъ изъ мелкихъ торговцевъ.

Конечно, далеко не всѣ такъ скоро усваивали преподаваемое. У большинства, на первыхъ порахъ особенно, въ головахъ была порядочная путаница представленій и коверканье названій, да же иногда послѣ неоднократныхъ повтореній, ино-

гда-же слушатели мои просто фантазировали въ своихъ отвѣтахъ.

— Гдѣ у тебя сердце находится, покажи, говорю одному.

— Вотъ тутъ. Указываетъ какъ разъ на средину живота.

— Тутъ, говоришь?

— Такъ точно, тутъ.

— А для чего оно у тебя?

— Для воздуха.

На многихъ лицахъ улыбка, кое-гдѣ хихиканье.

— Ты что смѣешься? Развѣ онъ не вѣрно сказалъ?

— Такъ точно: онъ ваяралъ. Это, Ваше Высокоблагородіе, для воздуха-то легкія.

— А сердце?

— А сердце кровь разгоняетъ по тѣлу.

— Какъ-же оно разгоняетъ?

— А такъ что по жиламъ, по антилеріи.

— Артеріи, а не антилерія.

— Такъ точно: артерія. Я запомню.

— Почему равные часто просятъ пить?

Молчаніе.

— Кто знаетъ?

— Я знаю.

— Скажи.

— У него душа горитъ. Слышенъ легкій смѣхъ.

Однажды я говорилъ своимъ слушателямъ что и какъ долженъ дѣлать носильщикъ, если придется ему быть подъ огнемъ.

— Если вамъ, братцы, придется работать въ боевой линіи, помните—прежде всего раненаго нужно вынести изъ огня въ безопасное мѣсто и тамъ уже оказывать помощь, а то и васъ переранятъ и его снова могутъ ранить. Другое дѣло, если у раненаго сильное кровотеченіе: тогда вы должны немедленно остановить кровь тутъ-же, подъ огнемъ. А послѣ этого, все таки, какъ можно скорѣе вы должны уходить съ раненымъ за прикрытіе и тамъ уже докачивать свое дѣло. Поняли всѣ?

— Такъ точно, всѣ! раздались дружные голоса съ разныхъ мѣстъ.

— А ну-ка, Югавовъ, скажи намъ, что ты будешь дѣлать, если увидишь въ боевой линіи раненаго?

— Я долженъ ему помочь...

— Какъ-же ты будешь помогать?

— А такъ, что въ случаѣ, ежели у него кровь фонталомъ бьетъ, то я долженъ наложить ему турникетъ...

— А потомъ?

— А потомъ я долженъ какъ можно скорѣе уходить отъ него въ безопасное мѣсто за прикрытіе, а то могутъ поранить...

Общій дружный хохотъ аудиторіи. Югавовъ сконфуженно озирается по сторонамъ.

Трудно давались слова: турникетъ, марля, антисептический пакетъ. Съ послѣднимъ названіемъ необходимо было знакомить санитаровъ потому, что оно значилось на обложкѣ каждого перевязочнаго пакетика. Въ нашихъ бесѣдахъ это мудреное слово «антисептический» было нерѣдко замѣняемо выраженіемъ „противозаразный“.

Но преподаваніе санитарныхъ свѣдѣній преслѣдовало главнымъ образомъ ту цѣль, чтобы солдаты ясно представляли и понимали свое дѣло, правильность же выраженій стояла на второмъ планѣ. Нерѣдко солдатъ выражался очень своеобразно, но видно было, что онъ понимаетъ о чемъ говорить и удовлетворительно исполняетъ заданныя ему задачи.

Въ концѣ курса у насъ происходили общія бесѣды. Вопросы задавались то тому, то другому. Въ случаѣ затрудненій предлагалось выступать съ отвѣтомъ всякому знающему. Нерѣдко отвѣчали нѣсколько человѣкъ хоромъ. Все это выходило оживленно и видно интересовало санитаровъ.

Обыкновенно на средину классной комнаты вызывался кто-нибудь изъ солдатъ и на немъ демонстрировались нужныя свѣдѣнія.

— Какая у него здѣсь кость?

— Первое ребро, Ваше В—іе.

— Почему санитарамъ важно знать это ребро?

— Тутъ идетъ ключевая артерія и ее тутъ можно нажать.

— Когда ты будешь прижимать подключичную артерію?

— Когда будетъ поранена плечевая артерія.

— Прижми. Селюкъ, правильно онъ прижалъ артерію?

Селюкъ щупаетъ пульсъ, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Никакъ нѣтъ.

— Почему ты такъ думаешь?

— Вотъ тутъ жила играетъ.

— Какъ тамъ жила, какъ нужно сказать правильно?

— Не могу знать. Запоматовавъ.

— Зайцевъ!

— Я, Ваше Высокоблагородіе.

— Вонъ Селюкъ говоритъ: жила играетъ.

Какъ нужно сказать?

— Пульсъ, В. В—іе.

— Что пульсъ? Играетъ?

— Никакъ нѣтъ: Бьется.

— А какую тутъ артерію щупаетъ Селюкъ?

— Лучевую артерію, В. В—іе.

Вызываю одного бойкаго и смышленнаго ефрейтора.

— Что ты будешь дѣлать на полѣ сраженія съ раненымъ, ну, хоть, въ бедро?

— Такъ, что ежели кровь текетъ сильно, то я наложу турникетъ, а потомъ перевяжу рану, а ежели кровь только сочится потихоньку, тогда ее можно остановить одной повязкой.

— Чѣмъ же ты перевяжешь рану?

— А это, В. В—іе, есть такіе пакетики, симетическіе пакетики называются...

— А н т и с е п т и ч е с к і е.

— Такъ точно. И въ каждомъ пакетикѣ есть биятъ и марля съ ваткой; и могутъ они противъ заразы дѣйствовать.

— А почему они дѣйствуютъ противъ заразы?

— Такой составъ въ нихъ есть, В. В—іе.

— Какой?

— Не могу знать.

— Ну-ка ты скажи, Зайцевъ.

— Они суемой прошипированы, В. В—іе.

— Такъ точно: суемой. Теперь и я припомнилъ.

— А что такое зараза?
— А это есть, В. В—іе, самая что ни на есть, мах—вкая, канелешная... какъ это вамъ сказать... и живая она...

— Ну, живое существо.

— Такъ точно. И можетъ она въ ранѣ распложаться и по всему тѣлу можетъ разойтись и бываетъ отъ нее человѣку вредъ. А глазомъ ее увидеть никакъ невозможно, а для того, чтобы ее возможно было увидеть, надо на нее стекло съ сильной величиной навести и тогда можно ее увидеть. Зараза бываетъ разная.

— Про какое стекло ты говоришь?

— А вотъ, въ трубочкѣ-то: Вы намъ на доскѣ писали.

— Какъ эта трубочка называется? спрашиваю всѣхъ.

— Микроскопъ, сказалъ уже знакомый намъ унтеръ-офицеръ. Остальные молчали.

— А что ты будешь дѣлать съ переломленной рукой, ну вотъ, хоть здѣсь, въ предплечьи? спрашиваю слѣдующаго.

— Винтомъ завинтую въ лубки. Промежду штыками тоже можно.

— Для чего-же въ лубки забинтовывать?

— Что-бы не болталась.

Такъ шли наши бесѣды. Изъ нихъ я убѣдился что слушатели мои усвоили свое дѣло достаточно удовлетворительно. Были, конечно, и мало усвоившіе. Но это—единицы. Особенно неспособенъ былъ одинъ, запасной бородачъ. Черезъ 20—30 минутъ онъ забывалъ иногда все, только что усвоенное. Имя его было Архипъ, но товарищи его звали почему-то «Сашей».

Въ ожиданіи выступленія.

Между тѣмъ приближалась Пасха. Стали говорить о близости выступленія нашей дивизіи на театръ военныхъ дѣйствій. Нѣкоторые изъ лазаретной команды спѣшили попасть на освѣдѣтельство, чтобы получить увольненіе отъ службы по неспособности. Другіе относились къ этому

иначе. Одважды на приемъ больныхъ говорю солдату съ грыжей:

Ну, — ты, братъ, можешь быть спокоенъ: тебя освободятъ отъ службы и на войну ты не попадешь: у тебя болѣзнь такая. Не успѣлъ я докончить фразы, какъ у солдата сразу брызнули слезы изъ глазъ.

— Что ты плачешь?

— Отъ товарищей отставать не хочется, сквозь слезы отвѣтилъ солдатъ.

Другіе добродушно смѣялись по этому случаю и называли товарища „чудашкой“.

Настроenie тогда, насколько мнѣ удалось замѣтить, было бодрое: дескать, какіе-то тамъ „макаки“ вздумали насъ задѣть. Строевые солдаты, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, ухмыляясь, говорили, что они по три японца посадятъ на одинъ штыкъ. Среди офицеровъ появилась рукописная стихоплетная «казацья пѣсня» въ томъ же духѣ.

Впрочемъ, извѣстiе о гибели „Петропавловска“ и адмирала Макарова произвело угнетающее впечатлѣніе, хотя и тогда были нѣкоторые (не военные), не скрывавшіе своего удовольствiя по поводу этой неудачи.

Ходили разные слухи объ антигигиеничности походной жизни въ Маньчжурiи, особенно опасались воды. Поэтому многіе врачи вмѣстѣ съ дивизионнымъ врачомъ обсуждали мѣры очистки питьевой воды, на случай необходимости этого въ походахъ. Пришли къ заключенiю, что наиболѣе примѣнимый способъ очистки это — полуторохлористое желѣзо, съ послѣдующей обработкой воды содой.

Толки о времени выступленiя лазарета пока не выходили изъ области предположенiй. Лазаретный обозъ былъ далеко еще не собранъ: линейки и повозки застряли гдѣ-то и точно не было извѣстно, двигались онѣ къ намъ, или стояли на мѣстѣ въ ожиданiи распоряженiй. Определенныхъ распоряженiй о времени выступленiя не было пока и у насъ. Все-таки, въ общемъ, начали подтягиваться.

Намъ напомнили о необходимости обзавестись верховыми лошадьми. Волей — неволей пришлось учиться ѣздить верхомъ. Горекъ былъ корень этого учения для нѣкоторыхъ: случалось надать съ лошади, при чемъ однажды запуталась въ стремени нога, за которую испуганная лошадь и помчала своего всадника. Къ счастью, нога скоро выскользнула изъ стремени и все кончилось небольшими ушибами. Другой „ваѣздникъ“ при паденіи съ лошади ушибъ ногу такъ, что ему пришлось лечь въ госпиталь.

Близость выступленія чувствовалась все болѣе и болѣе. Былъ назначенъ общій смотръ всѣмъ имѣвшимся въ городѣ войскамъ. Здѣсь были пѣхотный полкъ, артиллерійскій дивизионъ и казачьи части.

Въ день смотра погода была прекрасная, но загородная площадь была грязная (послѣ растаявшаго снѣга) и грязь, размятая тысячами ногъ, копытъ, колесъ, превратилась въ жижу.

Войска начали прибывать съ утра и выстраиваться по площади. Въ сторонкѣ встала наша рота носильщиковъ, съ повязками красного креста на лѣвыхъ рукавахъ, и госпитальная команда.

По сторонамъ площади стояла большая толпа зрителей. Всѣ были въ ожиданіи вышшаго начальства. Ждать пришлось порядочно. Но вотъ музыка заиграла „встрѣчу“: пріѣхалъ командующій и сталъ здороваться съ войсками. Потомъ раздались звуки «колы славень» и мѣстный епископъ вышелъ изъ экипажа на помость. Началось молебствіе, головы обнажились, все стихло и лишь издали долетали до насъ звуки пѣнія хора.

Послѣ молебствія войска двинулись маршемъ мимо командующаго. Все обошлось благополучно, только одна лошадь, чего то испугавшись, шарахнулась въ сторону и вмѣстѣ съ всадникомъ растянута въ весь ростъ въ грязной жижѣ. Говорили, что такая же исторія произошла и еще въ одной части войскъ.

Церемонія смотра окончилась послѣ полудня.

Усталые и голодные люди отирались по домамъ подѣ звуки музыки и крики «ура».

Послѣ Пасхи, когда грязь подсохла, мы возобновили свои санитарныя занятія съ лазаретной командой. Рота являлась на площадь съ носилками и упражнялась въ приемахъ переноски раненыхъ. Для этого человекъ 20—30 ложились въ отдаленіи на землю, изображая раненыхъ, а носильщики по командѣ унтеръ-офицера отирались «на поле сраженія» и по вѣсѣ правились, принимая въ обязательное вниманіе кто куда и какъ раненъ, укладывали «раненыхъ» на носилки и переносили въ лазаретныя линейки. Послѣднія къ этому времени были уже получены вмѣстѣ съ другими экипажами лазаретнаго обоза: парными повозками и двуколками, въ которыхъ возилось лазаретное имущество. Линейки-же предназначались только для раненыхъ. Это были громадные, неуклюжіе рессорные фургоны съ высокими, крытыми, брезентовыми верхами. Въ каждую линейку можно было помѣстить двѣ пары лежащихъ раненыхъ: одну надъ другой, или девять человекъ сидящихъ. Для передвиженія линейекъ запрягались по четыре лошади въ каждый экипажъ.

Наши санитарныя упражненія на площади иногда привлекали порядочное количество зрителей. Толпа хохотала, да и солдаты тоже, когда носильщики, плохо усвоившіе свои роли, пугались и сталкивались другъ съ другомъ при перемѣнѣ мѣстъ у носилокъ, неизбежной во время переноски ихъ чрезъ препятствія: рвы, изгороди и пр.

Особенно забавно было, когда столкнувшіеся чуть не лбами сначала недоумѣнно и сконфуженно смотрѣли другъ на друга и по сторонамъ, а потомъ начинали доказывать другъ другу ошибку противника, будучи иногда оба не правы.

Занятія эти кончились общимъ смотромъ и «экзаменомъ», произведенными дивизіоннымъ врачомъ.

На пути въ Маньчжурію.

Наконецъ было получено распоряженіе о выступленіи нашей дивизіи на театръ войны. Торжественно проводили мѣстные войска, стали готовиться и мы. Началась усиленная бѣготня по магазинамъ для закупки различныхъ принадлежностей походнаго обихода, строились планы, предположенія о будущемъ.

Лазаретъ нашъ выступилъ въ первыхъ числахъ мая вслѣдъ за штабомъ дивизіи, ушедшимъ наканунѣ. За нами слѣдовали оба госпитали. Мы отправились отдѣльнымъ эшелономъ по росписанію, гдѣ были указаны дневки и мѣста питательныхъ пунктовъ, снабжавшихъ эшелоны горячей пищей. Ѣхать было удобно, такъ какъ мы чувствовали себя хозяевами поѣзда, куда посторонняя публика не допускалась. Намъ, «офицерамъ», былъ данъ на шесть человѣкъ небольшой вагонъ 2-го класса, команда размѣстилась въ теплушкахъ и въ одномъ вагонѣ 4-го или 3-го класса.

По дорогѣ, около Красноярска, ночью мы видѣли грандіозную картину лѣсного пожара, который распространился на вѣсколько верстъ. Мѣстами было море огня, мѣстами же сверкали въ темнотѣ на горахъ и въ долинахъ, между деревьями и на полявахъ отдѣльные большіе огни: какъ будто зажжена была гигантская иллюминація. Особенно эффектно видѣялась гдѣ-то вдали одна сопка, сплошь залитая пламенемъ, громадныя языки котораго высоко прорѣзывали ночную тьму.

Мы дѣлали каждыя сутки приблизительно верстъ по триста. Наиболѣе продолжительныя стоянки, кромѣ дневокъ, указанныхъ въ росписаніи, еще были въ мѣстахъ, гдѣ команда получала горячую пищу. Питаніе въ общемъ было удовлетворительное, хотя не вездѣ въ одинаковой степени и не вездѣ своевременно люди получали пищу. На одной ставціи, напримѣръ, командѣ пришлось «обѣдать» въ 4 ч. утра, для чего пришлось будить солдатъ. По этому поводу вышла цѣлая исторія.

Завѣдующій санитарной частью команды врачъ безъ всякой задней мысли сказалъ, что едва ли въ такой ранній часъ у солдатъ можетъ быть аппетитъ и потому онъ недоумѣваетъ, почему назначенъ „обѣдъ“ въ 4 ч. утра. Смотритель лазарета (офицеръ) обидѣлся, истолковавши эти слова въ смыслѣ подрыва престижа его власти и внимательства врача подобными «замѣчаніями» въ сферу его дѣятельности. Къ общему нашему удивленію, онъ потомъ пожаловался дивизионному врачу.

Это, въ сущности мелочное происшествіе, имѣетъ, однако, значеніе, какъ одна изъ чертъ, характеризующихъ положеніе врача въ военной средѣ. Какъ лицо въ этой средѣ новое и постороннее я получилъ на этотъ счетъ довольно определенное впечатлѣніе, которое потомъ провѣрялъ въ разговорахъ съ специально военными врачами, а отчасти даже и съ офицерами.

Дѣло въ томъ, что военный людъ, въ своей массѣ разумѣется, считаетъ свою профессію особенно почетной, выдающейся изъ среды другихъ и господствующей надъ ними. А отсюда, въ общемъ сознаніи военныхъ и представители этой профессіи ставятся на особый пьедесталъ, безотносительно къ внутреннему достоинству личности каждаго изъ нихъ. Отсюда особый тонъ превосходства и даже господства, проявляемый ко всѣмъ „наріямъ“ въ родѣ „человѣковъ“ на вокзалахъ и въ гостиницахъ, извозчиковъ, солдатъ, а въ острыхъ случаяхъ иногда и ко всякому, не носящему офицерскихъ погоновъ. Чѣмъ моложе и малоразвитѣе обладатель такого тона, тѣмъ этотъ тонъ у него проявляется замѣтнѣе.

Однако, чувства своего специфически военного превосходства не лишены бываютъ и офицеры генеральнаго штаба, т. е. люди съ высшимъ военнымъ образованіемъ. Мнѣ пришлось однажды слышать очень характерную въ этомъ отношеніи фразу. При входѣ въ одну военную канцелярію я случайно сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ, какъ офицеръ генеральнаго штаба распекалъ дивизионнаго солдата за то, что онъ безъ док-

лада допустилъ въ присутствіе постороннее лицо.

— Придетъ какая-нибудь *дрянь, штатскій*, и ты пускаешь! Развѣ ты не знаешь, что даже посторонняго *офицера* нельзя пускать безъ доклада и т. д.

✓ Врачи, особенно запасные, хотя, можетъ быть, и не были „дрянью“ въ глазахъ военныхъ людей, но что они были «штатскими» — это несомнѣнно. И ужъ конечно въ отношеніи ихъ достоинства врачей не ставили на одну доску съ носителями офицерскихъ погоновъ и тѣмъ болѣе аксельбантовъ. Большею частію къ нимъ относились или снисходительно и покровительственно, иногда третируя, или развязно и фамильярно, смотря по рангу и по положенію военныхъ людей въ своей средѣ. Но это въ лучшемъ случаѣ. А въ случаѣ, если врачъ „завнался“, то ему при первой же возможности давали понять его малозначимость, не особенно стѣсняясь въ формѣ выраженія. А «завнался» было не трудно: стоило только стать на службу дѣлу и поставить на второй планъ лица, какъ это отчасти и случилось въ вышеупомянутомъ происшествіи съ «обѣдомъ» въ 4 ч. утра.

Такова въ краткихъ и общихъ чертахъ психологія отношеній въ арміи военныхъ къ невоеннымъ, въ томъ числѣ и къ врачамъ, посещающимъ на военной службѣ гражданскіе чины. Ни обвинять, ни оправдывать кого бы то ни было я здѣсь не имѣю въ виду, а только передаю дѣло такъ, какъ оно лично мнѣ представляется.

Но возвращусь къ прерванному этимъ отступленіемъ моему разсказу. Въ Иркутскѣ скопилось очень много войскъ. Всѣ они расположились близъ пригородной станціи Иннокентьевской. Здѣсь же остановились и мы и пробыли болѣе сутокъ. Далѣе, по Забайкалью ѣхали безъ продолжительныхъ остановокъ. 20-го мая мы вступили въ Маньчжурію.

Маньчжурія.

Станція Маньчжурія имѣетъ видъ небольшого русскаго городка, а далѣе, къ Харбину, на пус-

тынной степи попадались нерѣдко одинокіе желѣзнодорожные домики, окруженные стѣнами съ бойницами и мѣшками съ землей, сложенными такъ-же въ видѣ стѣнъ. Все это—для защиты отъ хунхузовъ.

Въ Харбинѣ прибыли 24 мая. Былъ очень жаркій, ясный и тихій день. На станціи было много всякаго народа. Въ первый разъ я увидѣлъ здѣсь китайцевъ въ такомъ количествѣ, какъ нигдѣ на всемъ пройденномъ пути. Они работали на полотнѣ дороги, сновали всюду съ лотками, продавая всякую мелочь: папирсы, табакъ, мыло и проч. Предъ нашимъ вагономъ китайскій мальчикъ—акробатъ потѣшалъ солдатъ всякими шутками съ различными кривляньями и выкриками. Въ сторонѣ медленно передвигался китаецъ-цирюльникъ, неся на коромыслѣ всѣ принадлежности своего ремесла. Онъ рѣдко и мѣрно ударялъ въ какую-то пластинку, издававшую при этомъ рѣзкій дребезжащій звукъ. На одномъ изъ путей группа рабочихъ китайцевъ, частію полунагихъ, вытаскивала старыя шпалы. Рабочими командовалъ старшій, время отъ времени выкрикивая по русски: «разъ-два! сильно!» При послѣднемъ словѣ онъ дѣлалъ энергичный жестъ правой рукой снизу вверхъ, какъ бы поддѣвая что-нибудь, а вся группа рабочихъ дѣлала дружное усиліе.

Въ Харбинѣ намъ сказали, что конечный пунктъ нашего путешествія по желѣзной дорогѣ—Хайченъ. Часовъ чрезъ 5 по прибытіи въ Харбинъ мы и отправились на югъ. На слѣдующій день прибыли въ Ляонгъ. Здѣсь былъ питательный пунктъ. Предъ раздачей пищи врачъ по обычаю осматривалъ мясо. Нѣсколько порцій, взятыхъ на пробу, были вполне доброкачественны и потому было приступлено къ раздачѣ. Но потомъ многіе солдаты отказались ѣсть полученное мясо и говорили, что оно «душное». Видимо, что «душное» мясо было прикрыто свѣжими порціями, откуда и произошла ошибка въ приѣмѣ, отразившаяся на желудкахъ команды и на совѣсти завѣдующаго санитарной частью врача.

Въ Ляоянѣ атмосфера была уже вполне военная. Интересы дня вращались около военныхъ событий, публика, кромѣ китайцевъ, была почти исключительно военная, штатскія фигуры попадались очень рѣдко. Въ день нашего прибытія въ церкви при главной квартирѣ происходили похороны одного войскового старшины, *) убитаго въ одномъ изъ послѣднихъ дѣлъ. Въ разговорахъ стало слышаться слово «позиціи» и какъ то странно оно отдавалось въ ушахъ.

Начало походной жизни.

26 мая послѣ полудня нашъ поѣздъ остановился у станціи Хайченъ. Наконецъ-то! Значитъ мы должны были начать свою походную жизнь. Мѣсто для бивуака было указано намъ на вытоптанномъ китайскомъ полѣ, близъ желѣзнодорожной линіи и въ сторонѣ отъ вокзала. Къ вечеру всѣ устроились. Поставили обозъ, солдаты раскинули ряды своихъ палатокъ, а въ сторонкѣ отъ нихъ, недалеко отъ желѣзно-дорожной насыпи расположились въ палаткахъ и мы, кто на походныхъ кроватяхъ, а кто на носилкахъ. Когда стемнѣло, надъ нашимъ бивуакомъ засвѣтился лазаретный фонарь съ краснымъ стекломъ, прикрепленный на высокомъ шестѣ съ національнымъ флагомъ и знакомъ краснаго креста. Настала тихая и теплая ночь.

Утомленные дорогой и новыми впечатлѣніями дня мы скоро и крѣпко заснули въ своихъ палаткахъ. На слѣдующій день стали знакомиться съ мѣстностью. Городъ Хайченъ былъ верстахъ въ двухъ—трехъ къ востоку отъ насъ, а вблизи нашего бивуака стояли станціонныя постройки, да были расположены различныя части войскъ, бѣлѣвшія на солнцѣ своими палатками. Къ югу отъ станціи протекала рѣка Хайченъ-хэ. Эта рѣка, какъ и всѣ почти рѣки въ Маньчжуріи, въ сухое время сильно мелѣла, а въ дождливое весьма значительно увеличивалась и въ ширину и въ

*) Кажется Старкова.

глубину. Мы ходили разъ на Хайченъ-хэ съ цѣлью
искупаться, но оказалось, воды тамъ было едва-
ли болѣе, чѣмъ на $1\frac{1}{2}$ — 2 четверти глубины и
сама рѣка была скорѣе похожа на широкій ру-
чей. Мы застали тамъ много солдатъ, изъ кото-
рыхъ одни лежали въ водѣ, выкопавши ямки
для углубленія русла, другіе сидѣли, стояли и
всѣ почти тутъ же полоскали свое бѣлье и мы-
лись сами. Не смотря на быстрое теченіе вода
не успѣвала освѣжаться и была довольно мут-
ная и отъ взбиваемаго песка и отъ мыла. Все-
таки волей-неволей намъ пришлось послѣдовать
примѣру солдатъ, такъ какъ нужда въ омовеніи
была настоятельная, а другихъ способовъ къ ея
удовлетворенію не предвидѣлось. Впрочемъ, одинъ
изъ насъ смутился видомъ воды и незначи-
тельностью глубины и пошелъ искать болѣе удобнаго
мѣста, но, кажется, безъ успѣха. Все-таки мо-
жно съ увѣренностью сказать, что изъ воды мы
вышли освѣженными и болѣе чистыми, чѣмъ бы-
ли до „купанья“.

Намъ удалось побывать и въ городѣ. Какъ
обыкновенно въ китайскихъ городахъ и здѣсь
были узкія, пыльные улицы, со специфическимъ,
довольно неприятнымъ, кисловатымъ запахомъ,
невысокія, крытыя черепицей, непрерывныя по-
стройки, фасадная часть которыхъ занята мага-
зинами. На улицахъ, какъ муравьи кишѣли ки-
тайцы («публика»), тутъ-же шныряли продавцы
всякихъ мелочей и располагались со своими при-
надлежностями мастера всякихъ дѣлъ: царюль-
ники съ дребежащими, точно струны у шерсто-
битовъ, пластинками, некари, слесари, сапожники
и пр. Весь этотъ людъ производилъ непривычный
и утомительный для уха своеобразный шумъ и
гвалтъ, благодаря частымъ выкрикамъ на ихъ
горланномъ языкѣ.

За нами отъ магазина къ магазину ходила
цѣлая компанія мальчугановъ, попрошайекъ, изъ
которыхъ одинъ былъ одѣтъ даже въ шелкъ.
Одни изъ нихъ предлагали назойливо свои услуги
понести покупки и протягивали имѣющіяся у
нихъ для этого корзиночки, другіе просто тяну-

9733
1-655D41

лись за подачкой. Любопытно, что мальчуганы дружно хохотали, когда имъ показывали китайскіе чохи (чохъ = $1/10$ копейки) и отрицательно мотали головой, не желая брать эти деньги въ качествѣ платы; даже нищіе и тѣ недружелюбно относились къ чохамъ: помню, одинъ изъ нихъ даже упрекнулъ меня въ томъ смыслѣ, что стыдно «капитану» давать милостыню чохами. Всѣ познали суетность чоховъ и превосходство русскихъ пятаковъ и гривенниковъ.

Между тѣмъ изъ дѣйствующихъ частей войскъ приходили вѣсти и слухи, которые волновали и напрягали мысль и воображеніе, особенно у насъ, новичковъ на театрѣ войны. На этой почвѣ у насъ произошелъ однажды траги-комическій эпизодъ.

Помню, какъ-то разъ вечеромъ мы стояли у своихъ палатокъ и разсуждали по злободневнымъ вопросамъ. Вдругъ — слышимъ глухой звукъ, точно хлопнули громадной дверью въ большомъ зданіи. Мы стали прислушиваться. Звукъ повторился еще и еще. Удары были не часты и довольно равномерны. Мы рѣшили, что, вѣроятно, идетъ гдѣ-то вдали артиллерійскій бой. Воображеніе начало рисовать картины поля битвы, убитыхъ, раненыхъ, кровь, стоны и проч. Внутри что-то напряглось и защемило сердце. Разговоръ нашъ перешелъ на тему о душевномъ состояніи вступающихъ въ бой и сражающихся. Каждый высказывалъ свои соображенія. Но бесѣда какъ-то не клеилась и прерывалась время отъ времени доносившимися ударами.

Мы взобрались на довольно высокую желѣзнодорожную насыпь и пошли къ вокзалу, со стороны котораго слышались звуки, принимаемые нами за выстрѣлы. По мѣрѣ приближенія „выстрѣлы“ дѣлались яснѣе и наконецъ мы дружно расхохотались по поводу представившихся картинъ «артиллерійскаго боя». Оказалось, что этотъ «бой» производили китайцы, грузившіе въ вагоны бобовые жмыхи. Перебрасываемые китайцами жмыхи падали на полъ вагоновъ (пустыхъ и потому резонирующихъ) и производили тѣ удары,

которые мы принимали за пушечную пальбу. Такъ при располагающихъ условіяхъ шалить восбраженіе.

Первый походъ.

Два чрезъ два получился приказъ о выступленіи на югъ, въ Дашичао (Ташичао), около 32—33 верстъ отъ Хайчева. Выступленіе было назначено на 31 мая въ 4 часа утра. Чтобы не копаться ночью, наши палатки сняли и съ вечера уложили ихъ въ повозки, а сами мы расположились на циновкахъ подъ открытымъ небомъ. Ночь была тихая, теплая и темная. Мы сидѣли у стола и закусывали при свѣтѣ свѣчи, другая горѣла въ фонарѣ тутъ-же. На темномъ фонѣ ночи наша группа выдѣлялась рѣзко. Насъ отлично было видно и съ желѣзной дороги. Во время нашей трапезы мимо насъ пропелъ на сѣверъ паровозъ съ роскошнымъ вагономъ, откуда раздался пріятный, ласковый голосъ: «пріятнаго аппетита господа!» Мы раскланялись удаляющемуся пріветливому пассажиру и были почти увѣрены, что слышали пріветствіе отъ командующаго, который проѣхалъ, вѣроятно, въ Ляоянь.

Послѣ ужина всѣ расположились на ночлѣсь. Но сонъ былъ плохой: все думалось о предстоящемъ *первомъ* походѣ и чувствовалась какая-то общая возбужденность. И это, повидимому, у многихъ. Въ командѣ нѣкоторые подыались до двухъ часовъ ночи, начался говоръ, шумъ, загорѣлись тамъ и сямъ костры, около которыхъ рѣзко выдѣлялись въ ночной тьмѣ склоненныя фигуры солдатъ, кипятившихъ себѣ воду для чая. Недалеко отъ насъ фыркали, пощипывая траву, наши уже осѣдланные лошади.

Выступили мы немного раньше указаннаго времени, когда еще было темно. Но двигаться намъ пришлось очень медленно, такъ какъ нѣкоторыя сосѣднія части выступали одновременно съ нами и обозы ихъ постоянно задерживали насъ, то пересѣкая путь, то вливаясь въ идущую впереди вереницу экипажей. Поэтому въ самомъ началѣ похода у насъ происходили остановки на

15, 20, а то и на 30 минутъ почти чрезъ каждыя 50—100 сажень, такъ что станцію Хайченъ мы оставили за собой почти въ 6 часовъ утра.

Дальнѣйшій путь совершался хотя и быстро, но все-таки съ задержками. А тутъ еще настала жара, а встрѣчный вѣтеръ обдавалъ облаками желтоватой маньчжурской пыли, набивавшейся въ глаза, уши, ротъ, носъ, проникавшей сквозь платье. Чрезъ каждыя 5—6 верстъ, пройденныя безостановочно, людямъ давался отдыхъ на 15—10 минутъ. Въ попадавшихся на пути деревушкахъ солдаты облѣпляли колодцы, съ жадностью удовлетворяя жажду... Куда пошли наши совѣты воздерживаться отъ сырой и мутной воды во избѣжаніе желудочно-кишечныхъ заболѣваній...

Въ 3 часа по полудни мы пришли къ деревнѣ Ху-цзя-тунъ, отстоявшей отъ Хайчена верстъ на двадцать пять. Послѣ двѣнадцатичасоваго перехода въ жару и пыли всѣ чувствовали сильную усталость и жажду. Однако удовлетворить потребность въ отдыхѣ и питъѣ удалось не скоро. У насъ было рѣшено остановиться на ночлегъ у Ху-цзя-тунъ. Но войскъ здѣсь скопилось такъ много, что трудно было выбрать мѣсто для бивуака. Въ такомъ-же затрудненіи оказались и другія части, пришедшія съ нами одновременно.

По этому поводу у полковника, коменданта этого пункта, произошелъ такой разговоръ: одинъ подполковникъ спрашиваетъ коменданта:

— Гдѣ остановиться намъ бивуакомъ?

— А гдѣ желаете.

— Если бы я былъ начальникъ, то я прежде осмотрѣлъ-бы мѣстность и потомъ разбѣстилъ прибывающія войска.

— А если Вамъ угодно, Вы можете осмотрѣть мѣстность, отвѣтилъ комендантъ.

Кое-какъ удалось найти мѣсто для бивуака. Это была сравнительно очень небольшая площадь, на которой, тѣсня другъ друга и расположились люди, экипажи, лошади.

Оба колодца, имѣвшіеся въ этомъ мѣстечкѣ, были окружены толпами солдатъ съ котелками, въ

ожиданіи своей очереди почерпнуть воды. Къ нашему приходу вода въ обоихъ колодцахъ была очень мутная, такъ какъ уже дочерпались до дна и постоянно котелками мутили воду.

Пока устраивался бивуакъ, мы, врачи, рѣшили отдохнуть и напиться чаю «съ комфортомъ». Для этого мы отправились версты за 1½ въ сосѣднюю деревушку, захвативши всѣ принадлежности. Здѣсь у китайцевъ добыли дровъ и воды, основательно вымылись и устроили чаепитіе, на разостланной подъ деревьями циновкѣ. Но утомленіе взяло верхъ надъ жаждой и нѣкоторое время мы лежали недвижимо, растянувшись на циновкѣ и не прикасаясь къ чаю и закускѣ. Собралась толпа китайцевъ почти всѣхъ возрастовъ, полукругомъ обступила насъ и съ любопытствомъ глазѣла на невиданныхъ, вѣроятно, гостей. Вообще они относились къ намъ довѣрчиво и безъ всякихъ проявленій вражды. Они интересовались русскими названіями различныхъ предметовъ житейскаго обихода и, въ свою очередь, сообщали ихъ китайскія названія. Кажется двое изъ китайцевъ кое-какъ могли говорить по русски.

Мы возвратились на бивуакъ уже вечеромъ. Въ виду ранняго выступленія на слѣдующій день, а отчасти и вслѣдствіе тѣсноты мы рѣшили не разбивать своихъ палатокъ. На ночлегъ нѣкоторые изъ насъ забрались въ линейки, а мы втроемъ нашли себѣ для этого небольшую выемку, саженьяхъ въ двухъ отъ полотна желѣзной дороги, постелили тамъ циновку и еще кто что могъ и улеглись.

Ночь наступила тихая и теплая. Небо, въ началѣ довольно чистое, потомъ покрылось тучками, не внушавшими, впрочемъ, особенныхъ опасеній. Все-таки, когда мы заснули, насъ немного вспрыснуло дождемъ. Это было предъ разсвѣтомъ. Въ это время мимо нашей «спальни» на югъ промчался на всѣхъ парахъ паровозъ съ однимъ вагономъ, похожимъ на тотъ, который мы видѣли уже въ прошлую ночь въ Хайченѣ, на пути въ Ляоянь.

Утромъ начались спѣшные сборы: хотѣлось до наступленія жара пройти до Дашичао. Когда мы встали, обозныхъ лошадей уже запрягали, солдаты собирали амуницію, другіе спѣшно допивали свой чай. Волей-неволей и намъ пришлось торопиться. Хотѣлось чаю, но вещи наши и припасы были уложены и вынимать ихъ при общей спѣшкѣ было неудобно. Услужливый деньщикъ насъ выручилъ. Онъ добылъ откуда-то чайникъ съ киняткомъ, у коллеги нашлась подъ рукой щепотка чаю, нѣсколько кусковъ сахара и хлѣба. Кто изъ кружки, кто изъ стакана, а кто изъ сковородки мы, стоя и сидя на корточкахъ, спѣшно глотали чай, набивая ротъ хлѣбомъ и наблюдая въ то же время за ходомъ сборовъ. Лошади наши стояли тутъ-же въ ожиданіи своихъ сѣдковъ.

Утро было сѣрое, прохладное. ночной дождь прибилъ пыль на дорогѣ и очистилъ воздухъ, а до Дашичао оставалось всего около 8 верстгъ. Всѣ эти обстоятельства дѣлали нашъ переходъ пріятной прогулкой, особенно по контрасту съ тяжестью похода прошлаго дня. Люди шли бодро вперед, за ними тянулся вереницей обозъ. Съ пѣснями команда наша прибыла въ 11 ч. утра въ Дашичао и заняла уже отведенное для бивуака мѣсто. Къ этому времени небо прояснилось и солнце уже чувствительно пекло.

Пребываніе въ Дашичао.

Изъ штаба дивизіи намъ сообщили, что дальнѣйшихъ передвиженій пока не предвидится и лазаретъ нашъ пробудетъ въ Дашичао нѣсколько дней. Сообразно этому устроили и бивуакъ. Для насъ вмѣсто обычныхъ офицерскихъ палатокъ былъ разбитъ лазаретный наметъ (большая палатка). Здѣсь было гораздо просторнѣе, а главное, несравненно прохладнѣе, чѣмъ въ офицерскихъ палаткахъ, площадь которыхъ едва-ли превышала квадратную сажень, а высота была не болѣе двухъ аршинъ.

Какъ и въ Хайченѣ, мы расположились не вдалекѣ отъ станціонныхъ построекъ, а самое селеніе Дашичао было за станціей, къ югу отъ насъ. Вблизи бивуака, почти прямо на востокъ, высилась большая сопка, у подножія которой видно русское кладбище, огороженное и установленное крестами; въ сторонѣ отъ кладбища, у той же горы, въ разныхъ мѣстахъ бѣлѣли палатки бивуаковъ, за ними тянулись коновязи и ряды обозныхъ экипажей; на зеленѣющихъ склонахъ сопки тамъ и сямъ паслись небольшія группы рогатаго скота подъ надзоромъ солдатъ. Съ этой сопки можно было обозрѣвать мѣстность далеко кругомъ и тамъ, на вершинѣ, постоянно находились небольшія группы солдатъ и офицеровъ съ биноклями и трубками.

Въ ночь, наканунѣ нашего прибытія, изъ Дашичао былъ спѣшно отправленъ по желѣзной дорогѣ на югъ 1-й полкъ нашей дивизіи, только что расположившійся, какъ говорили, бивуакомъ послѣ похода. Готовился бой подъ Вафангоу. Всѣ напряженно ожидали извѣстій.

Между тѣмъ съ нами случилось маленькое происшествіе. Насколько помню, во вторую ночь, часа въ 3, поднялся сильный вѣтеръ. Наша большая палатка то и дѣло хлопала своими полотнищами и скрипѣла стойками. Кое-кто изъ насъ проснулся. Вѣтеръ былъ настолько силенъ, что невольно возникало опасеніе какъ бы не сорвало палатку. Это могло повлечь за собою порядочную непріятность быть накрытыми тяжелыми полотнищами палатки, а главное, четыре палаточныхъ стойки при паденіи могли надѣлать немало бѣдъ, такъ какъ каждая изъ нихъ была толще оглобли и около двухъ сажень длинны. Одинъ изъ насъ одѣлся и ушелъ на вокзалъ во избѣжаніе опасности. Прочіе остались: кто спалъ, а кто надѣяся на «авось».

Вѣтеръ смѣнился ливнемъ. Къ намъ потекли ручьи и къ восходу солнца у насъ въ палаткѣ уже было цѣлое море, среди котораго наши кровати стали своего рода островами. Въ наиболѣе низкихъ мѣстахъ воды набралось почти на чет-

верть аршина глубиной. Кое-гдѣ надъ поверхностью ея торчали коробки съ ананасными и другими консервами, двѣ—три бутылки. Въ срединѣ возвышался столъ и нѣсколько походныхъ складныхъ табуретовъ. Вообще обстановка получилась новая и своеобразная. Нѣкоторые изъ нашей компаніи только что проснулись и съ удивленіемъ озирались на представившуюся ихъ глазамъ картину.

Волей-неволей намъ пришлось оставаться на своихъ «островахъ», пока не пришли солдаты и не спустили воду, прокопавши канавки. Потомъ началось выгребаніе образовавшейся въ палаткѣ грязи и просушиваніе всего подмоченнаго. Кстати и день общалъ быть жаркимъ.

Вся эта бѣда произошла съ нами оттого, что палатку поставили въ котловинкѣ и въ свое время не окопали водосточными канавками.

Наконецъ, получились извѣстія о неудачномъ исходѣ боя подъ Вафангоу и объ отступленіи нашихъ войскъ. Вскорѣ послѣ этого прибылъ съ юга санитарный поѣздъ съ ранеными. Мы отправились на вокзалъ. Для меня это была первая встрѣча съ ранеными. Самъ не зная почему, я ожидалъ чего-то «особеннаго» въ отношеніи силы и трогательности страданій и потому че безъ волненія смотрѣлъ, какъ выносили раненыхъ на носилкахъ изъ вагоновъ. У однихъ были повязки на головахъ, у другихъ на ногахъ, рукахъ, третьи были закрыты одѣялами и нельзя было видѣть куда они ранены. Раненые молчали и неподвижно лежали на носилкахъ, а санитары дѣлали свое дѣло съ самымъ обычнымъ видомъ, какъ производятъ всякую приличную работу. Ни экзальтированности, ни рисовки, а только серьезная, такъ сказать, простота—таковъ общій тонъ видѣнной мною сцены.

На площадкахъ вагоновъ стояли легко раненые въ чистомъ бѣльѣ, туфляхъ и халатахъ. Ихъ живо обступали кучки офицеровъ и солдатъ и наперебой, иногда не давая имъ договорить начатой фразы, засыпали вопросами объ эпизодахъ

минувшаго боя. Въ одной кучкѣ солдатикъ разсказывалъ, какъ они ходили въ атаку:

— А командирѣ-то нашъ въ бой насъ повелъ и говоритъ: мотри, ребята, не стрѣлай, а штыкомъ японца доставай. А какъ зачали они съ сопки палить, командиръ за камень легъ. Мы идемъ, а онъ за камнемъ лежитъ, оттудова грозить и материть: мотри, не стрѣлай, ребята, кричить. Мы ушли дальше, у насъ то тутъ, то тамъ раненый падаетъ, а командиръ все изъ-за камня пальцемъ грозить и материть, стрѣлять не приказываетъ ..

Въ другихъ кучкахъ слышалось:

— Глядимъ, а „его“ сила такая претъ, видимо невидимо...

— Онъ по горамъ-то какъ кошка, нашимъ супротивъ, его не угоняться, да и сподручнѣй «ему» безъ амуниціи-то. У «него» винтовка да патроны, только и есть, а у нашихъ то вонъ сколько навѣшаво.... И т. д.

Спустя день, или два послѣ встрѣчи раненыхъ, я увидѣлся съ врачомъ Т., возвратившимся со своимъ полкомъ изъ-подъ Вафангоу. Онъ разсказалъ мнѣ интересный эпизодъ изъ минувшаго боя. Насколько помню, я передамъ его разсказъ, хотя, можетъ быть, и не вездѣ точно.

Прибывши въ Дашичао довольно поздно вечеромъ, ихъ полкъ расположился бивуакомъ. Люди стали устраиваться и готовить чай. Не успѣли они какъ слѣдуетъ отдохнуть, какъ получилъ приказъ немедленно собраться и выступить въ Вафангоу. Полкъ посадили на поѣздъ, чуть-ли не на платформы, и помчали на югъ. До Вафангоу было не менѣе ста верстъ.

По приѣздѣ роты стали спѣшно расходиться по позиціямъ. Врачу Т. было указано мѣсто для устройства перевязочнаго пункта въ ложбинѣ, у сопки. Здѣсь Т. и остался въ ожиданіи двухъ колокъ съ перевязочными матеріалами и прочими принадлежностями пункта. А роты все шли и исчезали на сопкахъ, залегая въ окопы. Освободившійся поѣздъ двинулся въ обратный путь и

по странному недоразумѣнію увезъ и двуколки съ перевязками. Мѣсто опустѣло и Т. остался совершенно одинъ съ сознаніемъ полной вѣлѣ-ности своего положенія.

Между тѣмъ уже завязался бой. Кое-гдѣ на сопкахъ стали рваться снаряды. Т. вынулъ записную книжку и началъ заносить туда свои впечатлѣнія. Гдѣ-то затрещали «пачки»; у японцевъ, какъ швейныя машины, «затакали» пулеметы. Вотъ прилетѣла шимоза и разорвалась на ближней сопкѣ... другая, третья... У Т. являлось опасеніе, что слѣдующая можетъ прилетѣть и къ нему. Интересъ къ записыванію впечатлѣній у него пропалъ и книжка была положена въ карманъ. Однако, снаряды болѣе не беспокоили его, но онъ сталъ замѣчать новое явленіе: то тамъ, то здѣсь на мѣстѣ его нахожденія, начали врезанно подниматься съ поверхности земли мелкіе клубки пыли. Сначала Т. недоумѣвалъ по поводу этого, а потомъ, когда клубки стали появляться ближе и ближе къ нему и онъ услышалъ своеобразный свистъ при этомъ—недоразумѣнія его исчезли: пыль поднималась отъ удара въ почву пуль. Пришлось спастись.

Недалеко стояла каменная плита, какія китайцы обыкновенно ставятъ при дорогахъ, на поляхъ, у воротъ и пр. Высота такихъ плитъ бываетъ иногда около сажени, а чаще аршина два, обычная ширина $2\frac{1}{2}$ —3 четверти аршина, толщина 4—5 вершковъ. Плиты по краямъ украшены рѣзбой и сплошь покрыты іероглифами. Ставятъ ихъ или на сдвигахъ громадныхъ каменныхъ черепакъ, или на фундаментахъ, или прямо на землѣ.

Вотъ за такой плитой и укрылся Т. Но, къ сожалѣнію, она была обращена къ японцамъ ребромъ. Поэтому въ видахъ лучшаго использованія прикрытія Т—у пришлось лечь на бокъ и вытянуться во всю длину, перпендикулярно ко второму ребру плиты, обращенному въ сторону русскихъ позицій.

Когда Т. легъ за плиту, тогда клубочки пыли стали подниматься ближе къ ней. Черезъ

нѣкоторое время оставаться за плитой уже было не безопасно. Т. дѣлалъ быструю перебѣжку и залегъ во впадинѣ. Но и сюда такъ-же стали прилетать пули. Ему стало ясно, что японцы за нимъ внимательно слѣдятъ. Перебѣжки Т. дѣлалъ не одинъ разъ. Когда онъ лежалъ въ одной впадинѣ, пошелъ сильный дождь, образовалась большая лужа, въ которой Т. и пролежалъ нѣкоторое время. Потомъ онъ рѣшилъ бѣжать къ фанзамъ, стоявшимъ въ сторонѣ. Фанзы были окружены глинобитными стѣнами вышиной, приблизительно, въ ростъ человѣка. Подбѣгаетъ къ первой стѣнѣ—воротъ нѣтъ: быстро вскакиваетъ и спрыгиваетъ во дворъ. Въ это время въ стѣну ударилось нѣсколько пуль. Перебѣжалъ дворъ—опять стѣна сосѣдняго двора: опять пришлось перескакивать. И такъ—нѣсколько разъ. Последняя стѣна была покрыта какимъ-то колючимъ растеніемъ. Колючки вонзились Т-у въ руки, когда онъ ухватился за верхній край стѣны. Все-таки онъ забрался туда, но здѣсь силы его истощились и онъ свалился за стѣну, на противоположную сторону отъ японцевъ.

Хотя здѣсь онъ былъ въ безопасности, но оставался попрежнему совершенно одианъ, грязный, оборванный; у него оторвалась гдѣ-то и пашка, когда онъ перескакивалъ черезъ стѣны. Онъ ничего не зналъ о положеніи дѣла и, немного отдохнувши, рѣшилъ идти на сѣверъ, придерживаясь желѣзнодорожной линіи. На этомъ пути онъ, наконецъ, нашелъ свою часть, которая, кажется, уже отступала. Таковъ былъ первый опытъ «врачебной дѣятельности» Т. во время боя. Этотъ опытъ продолжался нѣсколько часовъ и, конечно, останется памятнымъ на всю жизнь.

Отступленіе полка совершалось при тяжелыхъ обстоятельствахъ: предстоящая бессонная ночь послѣ похода, напряженный боевой день безъ горячей пищи, неудача, все это, вмѣстѣ взятое, ложилось тяжело на самочувствіе людей. А тутъ еще, когда стемнѣло, началась предательская сигнализція китайцевъ: на сонкахъ то тамъ, то

здѣсь вспыхивали условные огни, извѣщавшіе японцевъ о пути отступленія нашихъ частей, а и тѣма наступила такая, что хотѣ глазъ выколи. Въ довершеніе всего—одинъ батальонъ лишился своей амуниціи. Когда батальонъ пошелъ въ атаку—людямъ было приказано оставить амуницію на полѣ, чтобы идти въ бой валежкѣ. Впередъ пошли однимъ путемъ, а отступали другимъ и все, оставленное предъ атакой, было брошено на произволъ судьбы.

По возвращеніи въ Дашичао полкъ расположенъ въ бивуакомъ недалеко отъ большой сонки, упомянутой выше и пробылъ здѣсь около 3—4 дней. Врачъ Т. помѣщался въ одной палаткѣ съ двумя офицерами. Одна постель у нихъ была разостлана прямо на землѣ, другія двѣ—на походныхъ кроватяхъ. Третьимъ въ этой палаткѣ еле можно было повернуться.

Когда я пришелъ въ палатку, у насъ тотчасъ завязалась оживленная бесѣда о бывшемъ боѣ. Офицеры старались чертежами изобразить расположеніе нашихъ и японскихъ позицій и передвиженій войскъ подъ Вафангоу. Но разговоръ нашъ былъ прерванъ начавшимся шумомъ на бивуакѣ: былъ полученъ приказъ о выступленіи полка на юго-востокъ и начались быстрые сборы. Проходя бивуакомъ, я видѣлъ тамъ и сямъ сцены прощанья: обнимались и цѣловались уходящіе съ остающимися, офицеры и солдаты. Только и слышно было:

— Ну прощай, братъ! Можетъ и не увидимся.

— Богъ знаетъ. Прощай, дай Богъ тебѣ цѣлымъ остаться. Скоро, видно, и мы за вами...

Т. проводилъ меня немного, а потомъ мы тоже простились съ мыслью увидимся-ли, гдѣ и когда. Въ душѣ появилось сознаніе чего-то торжественнаго, тяжелаго и неизбежнаго, хотя, въ тоже время, и интереснаго.

Вернувшись на свой бивуакъ, я узналъ, что завтра утромъ мы такъ-же выступаемъ вслѣдъ за частями нашей дивизіи.

Дальнѣйшее движеніе на юго-востокъ.

Мы выступили позднѣе предполагаемаго. Походъ предстоялъ небольшой и потому у насъ особенно не торопились. Лазарету приказано передвигаться въ деревню Цянь-чжай-цзы, лежащую къ юго-востоку отъ Дашичао верстъ на восемь.

Опять заколыхалась наша рота, поднимая съ дороги облака пыли, опять вереницей вытянулись за командой лазаретныя ливейки, повозки и двуколки. На пути мы часто останавливались вслѣдствіе скопленія обозовъ другихъ частей войскъ, заграждавшихъ намъ путь. Когда мы прибыли на свое мѣсто—уже стемнѣло и на небѣ показалась луна.

Мы заняли зеленую, возвышенную площадку, съ двухъ сторонъ обрамленную высокими деревьями. Здѣсь поставили намъ большую лазаретную палатку. Поодаль отъ нея справа, подъ деревьями былъ колодезь, а рядомъ, слѣва—маленькая кирпичная китайская часовенка, въ родѣ конурки, съ небольшимъ четырехугольнымъ отверстіемъ, ведущимъ внутрь часовенки. Тамъ виднѣлось нѣсколько дощечекъ съ изображеніями человѣческихъ фигуръ. Сзади нашей палатки былъ небольшой огородъ съ деревьями, спереди, саженьяхъ въ трехъ, подъ косогоромъ—дорога, а перейдя ее—самая деревня Цянь-чжай-цзы. Кочанда наша и обозъ расположились, пройдя саженьей 70 дальше насъ, на площади, уже въ районѣ деревенскихъ построекъ.

Послѣ похода, длившагося не менѣе 7 часовъ, мы чувствовали усталость, располагающую ко сну. Поэтому, какъ только устроились, то и не замедлили воспользоваться отдыхомъ.

Почти всѣ полки нашей дивизіи были расположены въ окрестностяхъ Цянь-чжай-цзы. Для чрезъ три по прибытіи нашемъ въ эту деревню, дивизионный врачъ поручилъ намъ, младшимъ врачамъ, объѣхать бивуаки, чтобы ознакомиться съ питаніемъ солдатъ. Мы отправились всѣ вмѣстѣ. Мѣстность здѣсь была гористая и не-

знакомая, а мы не имѣли ни карты, ни компаса. Впрочемъ, приблизительное представленіе о расположеніи полковъ намъ дало начальство, а на пути мы руководились разспросами встрѣчныхъ солдатъ и офицеровъ, при чемъ отъ первыхъ нерѣдко получался характерный отвѣтъ: «не могу знать».

Намъ приходилось проѣзжать иногда и «дѣльной», по незащитнымъ полямъ, взбираясь на сопки и спускаясь въ долины. Тутъ кое-гдѣ встрѣчались маленькія группы фанзъ (по 3—4) и обитатели ихъ съ любопытствомъ разсматривали странныхъ всадниковъ, быть можетъ, впервые появившихся около ихъ уединенныхъ жилищъ.

По прибытіи на бивуакъ того или другого полка мы отправлялись прямо на кухни. Онѣ устраивались обыкновенно нѣсколько въ сторонѣ отъ бивуаковъ. Здѣсь былъ рядъ котловъ врытыхъ въ землю, съ устроенными подъ ними топками. Котлы закрывались металлическими крышками. По близости лежали кучки дровъ, или сухихъ галяновыхъ сноповъ и стояли китайскіе столы, на которыхъ производилось разрѣзываніе мяса на порціи. У каждой роты была своя кухня.

Мы пробовали пищу и разспрашивали солдатъ какъ и чѣмъ ихъ кормятъ вообще. Такъ какъ никакого начальства при нашихъ разговорахъ не было, то можно думать, что солдаты говорили съ нами откровенно.

То, что намъ приходилось пробовать, была обычная солдатская пища, т. е. супъ, или щи (иногда изъ китайской капусты, за неимѣніемъ нашей) съ свѣжимъ мясомъ и каша пшеничная, чаще—изъ чумизы, рѣже—гречневая. Въ нѣкоторыхъ ротахъ кашу давали не всегда. Мясо большею частію было свѣжее, иногда консервированное. Хлѣбъ удовлетворительный, въ случаѣ недостатка онъ замѣнялся сухарями, тоже хорошаго качества. Выдавался чай и сахаръ (3 золотника сахару въ день на человѣка). Въ однихъ ротахъ солдаты получали мыло (въ незначительномъ количествѣ), въ другихъ—мыла имъ не выдавали. Солдаты были недовольны чумиз-

ной кашей, находя, что наша русская «крѣпче», а эта — «жидка и скусу въ ней такого нѣтъ». Обо всемъ замѣченномъ и сообщенномъ въ разговорахъ мы «докладывали» дивизионному врачу.

Такъ какъ полки стояли сравнительно близко отъ насъ, то на разъѣзды потребовалось немного времени, остальное-же время мы проводили у себя. Дни стояли ясные и тихіе, ночи теплыя и лунныя. Утромъ у насъ бывало общее чаепитіе съ бесѣдами о текущихъ событіяхъ, а потомъ — кто читалъ, писалъ, кто занимался канцелярскими дѣлами, а кто просто гулялъ. Въ Цянь-чжай-цзы къ намъ перебрался изъ штаба дивизионный врачъ, къ которому пріѣзжали врачи изъ полковъ и другія лица. При этомъ сообщались всякія новости о ходѣ дѣлъ, слухи, предположенія. Послѣ обѣда мы опять расходились кто куда. Нерѣдко къ намъ приходили китайцы и китайчата съ курами, яйцами, зеленью. Начиналась торговля, объясненія, взаимное ознакомленіе съ языкомъ другъ друга. Иногда китайцы, особенно малолѣтки, являлись безъ всякой надобности, а просто изъ любопытства поглазѣть на новыхъ людей и, случалось, порядочно надѣдали.

Такъ шли наши дни. По вечерамъ, около 9 часовъ, на склонѣ сосѣдней сопки, гдѣ стояла какая-то артиллерійская часть, начинали играть сигналъ на молитву. Всіей разъ играли въ два рожка. Насколько мнѣ удалось замѣтить, аккорды мелодіи были кварты и сексты и она была совершенно не похожа на то, что играютъ въ такихъ случаяхъ пѣхотные горнисты. Я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ эти спокойныя, торжественныя звуки, отчетливо раздававшіеся въ ночной тишинѣ. Игра продолжалась минутъ 20 и видимо воодушевляла самихъ музыкантовъ. Когда замирали въ воздухѣ послѣдніе, заключительные аккорды — сотни голосовъ начинали пѣніе «Отче нашъ», а потомъ «Спаси Господи». Издали пѣніе казалось стройнымъ, мощнымъ и въ то-же время мягкимъ. По окончаніи молитвы все затихало и только лишь

молчаливая луна спокойно обзирала засыпавшіе горы, долины и бивуаки, да тихо двигались у орудій и палатокъ темные силуэты часовыхъ, изрѣдка окликаая запоздалыхъ прохожихъ: «кто идетъ»? Такъ отходили къ сну люди на чуждой имъ землѣ, съ тайной тревогой о томъ, что готовить имъ грядущій день, а, можетъ быть, и наступившая ночь... И вспоминалась далекая Родина, мирная обстановка, мирный трудъ и проносились въ головѣ дорогіе образы родныхъ и другихъ близкихъ лицъ....

Впрочемъ, за время нашего пребыванія въ Цянь-чжай-цзы наблюдались явленія и другого, такъ сказать, порядка. Въ китайскомъ огородѣ, что сзади нашей палатки, расположился у деревьевъ одинъ пожилой толстякъ офицеръ, баталіонный командиръ стоявшей неподалеку пѣхотной части. Это былъ преоригинальный человекъ: вѣчно онъ кого-нибудь распекалъ, пересыпая свою рѣчь самыми крѣпкими русскими словами. Голосъ у него былъ хриплый и какъ бы кричающій, похожій на тѣ, которые можно слышать изъ рупоровъ плохихъ грамофоновъ. Да его потомъ у насъ и звали не иначе, какъ «грамофонъ». Иной разъ, утромъ, еще не усиѣшь глазъ своихъ открыть какъ слѣдуетъ, а ужъ слышишь его крикъ съ характернымъ тѣмбромъ: — „Да я тебя, скотина, научу какъ надо дѣлать!.. болванъ!..“ И т. д. все попеременно съ „припечатываніями“. И такъ у него шло цѣлый день, съ перерывами для „отдыха“.

Однажды утромъ «грамофонъ» расходился особенно сильно. Онъ распекалъ одного изъ нашихъ денщиковъ, кажется, за то, что тотъ будто-бы привязалъ лошадь въ занятомъ «грамофоне» огородѣ. Характерно то, что брань производилась въ присутствіи самого дивизіоннаго врача, котораго этотъ офицеръ звалъ «Ваше Превосходительство». Достаточно изливъ свой гнѣвъ на денщика; онъ въ заключеніе обратился къ дивизіонному врачу:

— Да я его, В. П—во, сейчасъ нагайкой выпорю мерзавца! Не могу-же я, штабъ-офицеръ, самъ идти и отвязывать лошадей!

Когда-же ему спокойно и вѣжливо было разъяснено, что тутъ деньщикъ нисколько не виновать, — „штабъ-офицеръ“ стихъ и какъ будто даже немного сконфузился. Къ вечеру онъ пришелъ въ веселое настроеніе. У него собрались пѣсенники солдаты и, вѣроятно, по заказу начальника „отхватывали“ залихватскую скабресную пѣсню, въ которой послѣ каждого куплета былъ припѣвъ:

«Ой малина, ой калина»,

«Въ саду ягода малина»... и т. д.

А начальство сидѣло въ среднѣхъ, между пѣсенниками, въ костюмѣ, легкомъ до послѣдней степени и подергивало плечами въ тактъ разухабистой пѣсни. Пѣсньи продолжались до поздняго вечера. Все это происходило въ присутствіи гостя, полкового священника, какъ говорили, монаха.

«Грамофонъ» порядочно донялъ насъ своимъ соседствомъ и мы не чаяли отъ него избавиться. Но случай насъ выручилъ. Мимо насъ проѣзжалъ Куропаткинъ со штабомъ для осмотра мѣстности. Вся кавалькада остановилась у насъ завтракать. Скромный завтракъ командующаго былъ устроенъ въ нашей большой палаткѣ. Сами мы на это время перебрались въ огородъ, а „грамофонъ“ перешелъ ближе къ своей части. Оттуда его было еле слышно. Такъ онъ и остался тамъ до нашего выступленія изъ Цянь-чжай-цзы.

На пути въ Кутяцзы.

Мы выступили утромъ 13 іюня, съ сожалѣніемъ покидая свой уютный уголокъ. Нужно было пройти намъ окого 25 верстъ на юго-востокъ, до деревни Кутяцзы.

Съ утра было сравнительно прохладно, а потомъ вскорѣ наступила маньчжурская жара. Походъ нашъ совершался, по обычаю, медленно, вслѣдствіе задержекъ на пути, особенно при пе-

переправѣ чрезъ горный переваль. Здѣсь была узкая дорога, еле позволявшая (да и то не вездѣ) разѣхаться двумъ встрѣчнымъ экипажамъ, а обозовъ скопилось нѣсколько. Истомленные зноемъ лошади лѣниво вытягивали на переваль повозки, люди, обливаясь потомъ, суетились въ облакахъ пыли, около повозокъ и помогали лошадямъ. Крикъ, свистъ, хлопаніе бичей, гиканье, а нерѣдко и специфическія русскія выраженія висѣли въ воздухѣ.

Наконецъ, весь обозъ переправился чрезъ переваль и далѣе пошла относительно ровная дорога. А солнце жгло немилосердно.

Часа въ два по полудни мы прибыли въ деревню Тачи и рѣшили сдѣлать здѣсь приваль для отдыха. Но всѣ уютныя мѣста въ деревнѣ были уже заняты войсками и намъ пришлось остановиться за деревней, миновавъ ее. Здѣсь на окраинѣ, была небольшая и не густая роща, а далѣе, на юго-востокъ открывалась довольно обширная песчаная равнина, упиравшаяся въ горный хребетъ. Ближняя часть этой равнины тоже была занята на значительномъ протяженіи войсками. Насколько помню, здѣсь собралось до половины нашей дивизіи. Всюду стояли ряды возель изъ ружей. Люди палатокъ не разбивали, а укрывались отъ зноя кто какъ могъ, большинство же оставалось на солнцѣ. Одни кипятили воду для чая, другіе уже пили чай съ хлѣбомъ, постоянно вытирая рукавомъ свои потныя и красныя лица, иные лежали, покрывши головы фуражками, а вмѣсто подушекъ подложивши свои вещевыя сумки.

Офицеры расположились въ рощѣ, такъ же образуя всевозможныя группы лежащихъ, сидящихъ, закусывающихъ. Нѣкоторые собирались около бѣлѣвшихъ кое-гдѣ между деревьями палатокъ какой-то части, стоявшей здѣсь бивуакомъ.

Вслѣдствіе тѣсноты наша команда скучилась на небольшой незанятой площади, близъ другихъ частей. Лошадей выпрягли и задали имъ корму, а люди сложили свою амуницію и начали сует-

таться съ своими котелками у маленькихъ ко-
стровъ, готовя себѣ чай.

Намъ разстелили цинкову въ котловинѣ около
рощи. Сюда уже начала падать тѣнь отъ соед-
ныхъ деревьевъ и потому можно было хотя голо-
ву и часть туловища защитить отъ солнца. Сняв-
ши свои «доспѣхи»: шапки, флаги и бинокли,
мы съ удовольствіемъ растянулись на циновкѣ.

Было душно не только отъ зноя но и отъ
мельчайшей пыли пропитавшей собою воздухъ. Всѣ
мы испытывали сильную жажду и съ нетерпѣніемъ
ждали чаю. Но имѣвшіеся въ деревнѣ колодцы
были почти вычерпаны и не могли скоро удов-
летворять жаждущихъ. Наконецъ деньщикъ при-
несъ намъ большой чайникъ съ кипяткомъ и
положилъ туда чаю. Получилась буровато-сѣрая
жидкость, дававшая обильный грязный осадокъ
въ нашихъ кружкахъ. Тѣмъ не менѣе чайникъ
быстро всыкъ и на его мѣсто явился другой
съ такой-же жидкостью.

Около насъ на пригоркѣ, между деревьями,
стоялъ походный столъ и два-три табурета. На
столѣ лежали карты и бинокль. Здѣсь были на-
чальникъ дивизіи и офицеры штаба. Рядомъ си-
дѣла другая группа: кто пилъ такую же жижу,
какъ и мы, другіе ѣли супъ и мясо.

Изъ-за горъ все время, какъ мы пришли въ
Танчи, довольно хорошо слышалась канонада.
Раскаты орудійныхъ выстрѣловъ слѣдовали часто
другъ за другомъ и производили иногда впечат-
лѣніе дальняго грома. Это былъ бой у Сяхотана,
отъ насъ верстъ за 12—15. Офицеры смотрѣли
въ бинокль въ сторону горъ и о чемъ-то гово-
рили между собой. Настроеніе у всѣхъ было
сдержанное. Къ одной группѣ офицеровъ подо-
шелъ бородачъ-солдатъ весь въ пыли и потный,
съ утомленнымъ видомъ. Онъ стоялъ предъ стар-
шимъ офицеромъ, придерживая у ноги свою
винтовку и нѣсколько возбужденно говорилъ съ
нимъ. Солдатъ только что съ позицій привезъ
раненыхъ въ госпиталь, бывший въ Танчи, и
разсказывалъ объ эпизодахъ боя.

БЕРЕГИТЕ КНИГУ

Биб. Том. Гос. Ун-та. 1887

Между тѣмъ раздался сигналъ и отдохавшія войска начали собираться и выстраиваться въ колонны. Рота за ротой заколыхалась по направленію къ горамъ на юго-востокъ, сверкая щетиной штыковъ и оставляя за собой облака пыли. Колонны шли въ ту сторону, откуда слышалась канонада и мало по малу исчезали въ горахъ. И думалось невольно: многіе-ли изъ ушедшихъ вернутся обратно изъ-за этихъ горъ и знакомое уже чувство чего-то рокового, тяжелаго, поднималось въ сознаніи.

Когда войска ушли, тронулись и мы. Всѣ отдохнули и подкрѣпились пищей, да и жаръ уже началъ спадать. Поэтому шли бодрѣе. А въ горахъ наступила вечерняя прохлада, такъ какъ солнце стало склоняться къ западу и горы бросали длинныя тѣни на дорогу, которая шла по узкимъ долинамъ. Канонада начала стихать и прекратилась съ наступленіемъ сумерекъ. Въ 9 часовъ вечера мы прибыли въ деревню Кутяцзы.

Пребываніе въ Кутяцзы. Наводненіе.

Деревушка Кутяцзы расположена въ небольшой долинѣ, со всѣхъ сторонъ обрамленной сопками. Около деревни, какъ обычно у китайцевъ, раскинулась небольшая роща изъ нетолстыхъ и довольно рѣдко стоящихъ деревьевъ; передъ рощей—широкая песчаная ложина, примыкающая противоположной стороной къ очень крутымъ склонамъ сопки. По срединѣ этой ложины течетъ ручей шириной около двухъ аршинъ (въ среднемъ). Вдоль ручья мы и расположились: по ту сторону, у сопки—бивуакъ, а на противоположной сторонѣ, ближе къ рощѣ—обозъ. Въ рощѣ остановился штабъ дивизіи, а съѣздище, на отлогомъ склонѣ сопки, были бивуаки артиллерійской и другихъ частей.

Бивуакъ нашъ устроился уже поздно вечеромъ. Въ виду этого смотритель предложилъ командѣ ограничить свой ужинъ чаемъ съ хлѣбомъ, чтобы, не ожидая, пока приготовить горячую пищу,

поскорѣ лечь спать, въ чемъ всѣ такъ нуждались. Почти всѣ согласились, но изъ толпы раздалось два—три голоса, требующіе ужина. Тогда смѣлитель разсердился и приказалъ готовить пищу. Пока устраивали кухню, варили мясо, прошло болѣе двухъ часовъ и ужинъ начали раздавать около полуночи, когда многіе уже заснули. Произшло нѣчто странное. Повидимому, смѣлитель съ одной стороны желалъ избавиться отъ всякихъ нареканий на себя, а съ другой—наказать протестантовъ, возбудивъ противъ нихъ общее неудовольствіе команды приказомъ ради нихъ только готовить ужинъ вопреки общему желанію.

Утромъ 14 іюня изъ штаба дивизіи прислали сказать, что ожидается бой и потому на всякій случай нужно приготовиться къ приему раненыхъ. И дѣйствительно: вскорѣ въ горахъ отчетливо громыхнула пушка, потомъ опять и опять. Нѣкоторые офицеры поѣхали на ближайшую южную сопку посмотреть, что такое творится въ горахъ. Хотѣлось и намъ отправиться вмѣстѣ съ офицерами, но опасенія, какъ бы безъ насъ не привезли раненыхъ, насъ удерживали. Все-таки, въ виду предстоящей работы, мы рѣшили пойти помыться послѣ вчерашней пыли. Для этого мы вдвоемъ отправились внизъ по теченію вашего ручья поискать удобнаго мѣста. Кое гдѣ ручей почти прерывался, въ другихъ мѣстахъ онъ образовывалъ небольшіе водоемы, глубиной съ поларшина. Здѣсь поили лошадей и полоскали солдатъ. Наконецъ, отойдя саженой на 150 отъ бивуака вдоль ручья, по той же песчаной низинѣ, мы нашли двѣ небольшія бокалдины, съ чистой водой, около полудюймовъ четвертой глубиной и камнями. Здѣсь мы и устроили себѣ «баню».

День былъ тихій, теплый и сѣрый, изрѣдка накрапывалъ дождь. Пока мы мылись—въ горахъ продолжала громыхать орудійные выстрѣлы, хотя и не особенно часто.

По возвращеніи на бивуакъ мы узнали, что бой идетъ верстахъ въ 6—7, въ томъ же районѣ, гдѣ и вчера. Офицеры, бывшіе на южной сопкѣ, видѣли разрывавшіеся снаряды.

Къ нашему приходу уже были поставлены двѣ большія лазаретныя палатки (шатры, или ваметы). Въ одной изъ нихъ поставили операціонныя столы и ящики съ перевязочными матеріалами, другая предназначалась для помѣщенія раненыхъ послѣ перевязки. Здѣсь они могли получать чай и горячую пищу.

Палатки стояли близъ дикой, скалистой сопки. Каменные глыбы этой сопки были покрыты тонкимъ слоемъ почвы, изъ которой тамъ и сямъ торчали чахлая деревца, кустарники и трава, съ разбросанными по ней цвѣтами. На крутомъ склонѣ сопки, сажени на двѣ вверху отъ основанія, среди каменныхъ глыбъ была площадка, а на ней выдѣлялась небольшая, покрытая надписями, каменная кумиренка съ черепичной крышей. Къ кумирнѣ вела тропинка, проложенная косо по горному склону, между кустарниками и камнями. Мѣсто это не лишено было своеобразной красоты и нѣкоторымъ очень нравилось. Случившійся у насъ тогда корпусный хирургъ предлагалъ даже сдѣлать фотографическій снимокъ.

Грохотъ орудій въ горахъ продолжался весь день. Къ вечеру доставили намъ съ передовыхъ перевязочныхъ пунктовъ партію раненыхъ. Съ непривычки мы какъ-то растерялись, не зная своихъ ролей и толпились около раненыхъ, кто съ перевязками, кто съ записной тетрадкой. На первыхъ порахъ перевязывалъ главнымъ образомъ дивизионный врачъ, а потомъ принялись за дѣло и мы. Перевязывали только тѣхъ раненыхъ, у которыхъ ослабѣли, или промокли повязки. Кормить же ихъ приходилось, конечно, всѣхъ. Отсюда возникло недоразумѣніе съ записью. Дивизионный врачъ приказывалъ записывать всѣхъ безъ исключенія (для учета довольствія), а корпусный врачъ, прибывшій къ этому времени, говорилъ, чтобы записывали только перевязанныхъ. Впослѣдствіи, при составленіи вѣдомости, изъ этого получилось затрудненіе.

Раненыхъ было немного и мы скоро окончили свою работу. Наступили сумерки, канонада въ

горахъ стихла, раненыхъ болѣе не подвозили пока и все успокоилось. Однако ночью прибыла еще партія, между прочимъ прѣхалъ верхомъ казакъ, раненый въ двухъ мѣстахъ. Онъ выражалъ желаніе проѣхать еще 8 верстъ до Тачи, гдѣ былъ госпиталь, а у насъ ему хотѣлось только отдохнуть. Остальные раненые прибыли въ двуколкахъ. По оказаніи нужной помощи всѣхъ ихъ устроили въ большой палаткѣ на ночлегъ, предложивши горячей пищи и чаю. Утромъ 15-го іюня раненыхъ послѣдили отправить въ госпиталь, въ виду неопредѣленности нашего положенія. Вскорѣ послѣ этого пришло распоряженіе немедленно собраться и выступить на югъ, въ Чжу-цзя-гоу. Къ 8 часамъ утра обѣ лазаретныя палатки были уже свернуты и всѣ начали готовиться къ походу.

Между тѣмъ пошелъ сильный дождь. Ручей, протекавшій посрединѣ лощины мимо нашего бивуака, началъ расширяться все болѣе и болѣе. Къ этому времени доставили новую партію раненыхъ и рядъ двуколокъ съ ними стоялъ вблизи нашего обоза. Въ каждой двуколкѣ было по два человѣка, кое-гдѣ—по три: третій вмѣстѣ съ кучеромъ сидѣлъ на козлахъ. Двуколки не имѣли верха и потому раненые были покрыты брезентами, хорошо защищавшими отъ дождя, но стѣснявшими накрытыхъ ими людей. У двоихъ или троихъ изъ нихъ повязки смокли отъ крови и ослабли. Необходимо было, по крайней мѣрѣ, хоть укрѣпить ихъ и подложить сухой марли, или ваты. Все это пришлось сдѣлать тутъ-же, въ двуколкахъ и подъ дождемъ, насколько возможно, прикрываясь брезентомъ.

Единственнымъ пристанищемъ для раненыхъ у насъ, при наличныхъ условіяхъ, могли служить только линейки. Но линейки, вопреки правиламъ, были заняты различными вещами, въ числѣ которыхъ оказались и наши: сюда положили ихъ по распоряженію смотрителя. Начальникъ дивизіи, бывшій здѣсь, выразилъ намъ по этому случаю свое неудовольствіе, на что мы промолчали, не желая ставить смотрителя въ не-

ловкое положеніе. Ливейки были живо освобождены отъ своего груза, а наши чемоданы, узлы и корзины сложены на землю и вскорѣ очутились въ подступившей сюда водѣ. Потомъ ихъ свалили въ телѣгу.

Между тѣмъ дождь перешелъ въ ливень и вся лощина, гдѣ расположился нашъ бивуакъ, быстро покрылась водой. Нашъ невинный ручей превратился въ быстро несущійся потокъ, около 40—50 саженой шириной и уже внушавшій серьезныя опасенія, такъ какъ теперь мы стояли болѣе чѣмъ на четверть аршина въ водѣ. Вода разлилась и въ сосѣдней съ нами рошѣ, затопивъ бивуакъ штаба дивизіи. Началась отчаянная работа, чтобы вывезти раненныхъ и обозъ изъ лощины на болѣе возвышенное мѣсто. А дождь лилъ, какъ изъ ведра, толстыми и частыми струями и ежеминутно, на глазахъ, повышался уровень воды. Вдругъ, смотримъ—съ сѣвера, отъ сосѣднихъ сопокъ, несетъ на насъ водяной валъ, высотой приблизительно въ три четверти аршина, если не болѣе. Для меня до сихъ поръ остается непонятнымъ, откуда возникъ этотъ валъ: плотину ли гдѣ прорвало, или другія причины имѣли тутъ мѣсто, но, во всякомъ случаѣ, валъ этотъ натворилъ у насъ не мало бѣдъ.

Когда нахлынула вода, на бивуакѣ поднялся невообразимый хаосъ. Крикъ людей и животныхъ, шумъ воды, трескъ ломающихся деревьевъ—все слилось въ одно. Напоромъ воды сносило ливейки, нагруженные повозки. Телѣгу съ нашими вещами опрокинуло и нашъ скарбъ поплылъ, кувыркаясь въ мутныхъ волнахъ потока. Говорятъ, сносило водой и людей изъ сосѣднихъ частей, но ихъ успѣвали перехватывать и спасать.

Въ описываемый моментъ я стоялъ почти посреди потока. Вода была выше колѣнъ. Когда меня стало подмывать, я инстинктивно направился къ берегу, на каждомъ шагѣ рискуя свалиться на бокъ. Казакъ помогъ мнѣ выбраться, протянувши мнѣ древко своей пика. По залитымъ водой огородамъ я кое-какъ добрался до ближайшей фанзы и засталъ тамъ почти всю нашу компанію,

начальника дивизии и офицеровъ. Въ фавзѣ было настолько тѣсно, что нѣкоторымъ пришлось стоять. Разговоръ шелъ объ эпизодахъ наводненія. Каждый сообщалъ свои впечатлѣнія, иногда говорили сразу двое, трое. Всѣ были возбуждены.

Не найдя себѣ мѣста въ фавзѣ, я вышелъ и сталъ наблюдать происходящее у насъ на бивуакѣ. Дождь къ этому времени ослабѣлъ, но наводненіе оставалось пока на прежней высотѣ. Черезъ нѣкоторое время ко мнѣ подходитъ одинъ унтеръ-офицеръ изъ нашей команды и заявляетъ, что опрокинулась ливейка съ ранеными. Я отправился снова бродить по водѣ, стыкаясь раненыхъ. Приходилось цѣпляться за деревья, чтобы не быть снесеннымъ. Работа на бивуакѣ шла, что называется, во всю. Часть команды отправилась внизъ по теченію ловить унесенныя принадлежности лазаретнаго имущества, остальные люди старались отстоять обозъ. Шумъ и гамъ были оглушительные.

Послѣ безплодныхъ поисковъ раненыхъ среди деревьевъ и затопленныхъ экипажей я выбрался на берегъ. Небо къ этому времени начало проясняться, дождь прекратился и вода замѣтно схлынула. Выглянувшее изъ-за тучъ солнце ярко освѣтило всю картину разрушенія. Я вышелъ на покату ю площадь, составляющую продолженіе пологого склона одной изъ сѣверныхъ сопкок, обрамлявшихъ кутяцинскую долину. Мѣстами здѣсь наводило водой бокалдины, мѣстами наметало кучи ила и всякаго мусора. Здѣсь стоялъ артиллерійскій бивуакъ. Онъ пострадалъ хотя менѣе нашего, но подмокъ сильно. И вотъ теперь вся эта мокрая публика сушилась на солнышкѣ. Солдаты растягивали свои мокрыя и грязныя палатки, развѣшивали бѣлье, девчонки возились съ «господскими» принадлежностями; одинъ коллега, врачъ артиллерійскаго дивизиона, разставилъ свою походную кровать и раскладывалъ на ней разныя мелкія вещи, тутъ-же на колышкахъ торчали чьи-то сапоги. Нѣкоторые солдаты среди общей суматохи, грязи и мокроты тѣмъ не менѣе ухитрились скипятить себѣ воды

и благодушевствовали за чайкомъ, сидя на корточкахъ группами и оживленно обсуждая происшедшее.

Раненыхъ я нашелъ въ фанзѣ, на концѣ деревушки Кутяцзы. Представившаяся здѣсь картина меня поразила. Маленькая, грязная фанза была завалена грудami грязнаго, мокраго солдатскаго платья и оружіемъ. Тутъ-же на канахъ*) на полу и на грудaxъ платья лежали и сидѣли, тѣсня другъ друга, раненые солдаты, измокшіе, грязные, съ грязными, мокрыми, иногда спавшими повязками и открытыми ранами. Нѣкоторые были голы**) и покрыты солдатскими шинелями, голодные, жаждущіе, истомленные. Одни спали, другіе просто лежали молча, иные стонали, иные рассказывали объ эпизодахъ боя. Последніе сутки, а нѣкоторые и болѣе, участники минувшаго боя не ѣли. Просить одѣть, покормить, раны перевязать, а у насъ въ лазаретѣ все подмочено, частію же увесено водой. Къ счастью, у фельдшера, доставившаго въ Кутяцзы раненыхъ, оказалась санитарная сумка. Я воспользовался ею содержимымъ для оказанія возможной помощи, истративъ весь запасъ перевязочныхъ средствъ. Полковой священникъ, случившійся здѣсь, раздобылъ гдѣ-то консервовъ и кормилъ раненыхъ. Солдаты согрѣли имъ воды для чая. Въ фанзѣ помѣщалась только часть раненыхъ: другіе оставались въ тѣхъ-же двуколкахъ, въ которыхъ они были доставлены въ Кутяцзы. Двуколки стояли около фавзы, на дорогѣ.

Было уже за полдень, когда я кончилъ перевязки. Чувствовалась сильная усталость и голодъ, платье было мокро и въ сапогахъ хлюпала вода. Шленая по глубокой грязи, я направился на противоположный конецъ деревни, къ своимъ и вышелъ кое-кого изъ нашей компаніи въ той же фавзѣ, гдѣ былъ утромъ. Тутъ же стоялъ и смотритель лазарета безъ сорочки; мокрый, накинувъ бурку на плечи. Онъ все время бродилъ по водѣ, распоряжаясь спасаніемъ лазаретнаго

*) Киришчаны, или глинобитныя нары съ дымоходомъ внутри.

**) Безъ рубахъ.

имущества. Приходилось работать иногда въ такихъ мѣстахъ, гдѣ глубина воды достигала почти двухъ аршинъ.

Всѣ замѣтно поуспокоились, нѣкоторые шутили по поводу всей происшедшей исторіи.

Изъ разговоровъ выяснилось, что наши вещи всѣ унесены водой и ни одной изъ нихъ не поймали. Мы остались съ тѣмъ, что имѣли при себѣ и въ сѣдельныхъ кобурахъ. Менѣе всѣхъ пострадалъ дивизионный врачъ, у котораго вещи были въ собственномъ экипажѣ. У него снесло водой только нѣсколько пудовъ овса. Имущество зрителя оставалось въ линейкахъ и потому сохранилось. Впрочемъ зритель говорилъ, что будто бы у него изъ кармана пропало восемь сотъ съ лишнимъ рублей, когда онъ бродилъ по водѣ. Въ командѣ нѣкоторые потеряли амуницію, другіе—винтовки. Большую часть лазаретнаго имущества удалось спасти, утрачено было немного, да кое-что изъ принадлежностей обоза было поломано.

На мое счастье въ сѣдельныхъ сумкахъ у меня оказались запасные сапоги, сухая смѣна бѣлья и коробочки съ сардинками. Всѣмъ этимъ я не преминулъ воспользоваться.

Между тѣмъ раненые наши все время находились въ неопредѣленномъ положеніи: лазаретъ долженъ былъ выступить на югъ, а раненыхъ нужно везти въ противоположную сторону, въ Танчи, гдѣ былъ госпиталь. Поэтому лазаретъ затруднялся принять ихъ на свое попеченіе. А сопровождавшій транспортъ раненыхъ фельдшеръ усиленно настаивалъ, чтобы раненыхъ приняли, такъ какъ онъ получилъ приказаніе вернуть двуколки изъ Кутяцзы обратно въ полкъ, безъ задержекъ. Впрочемъ, недоразумѣніе это потомъ разрѣшилось.

Начало обратнаго движенія.

Приказъ о выступленіи лазарета въ Чжу-цзя-гоу былъ отмѣненъ и замѣненъ распоряженіемъ воз-

врагиться намъ обратно въ Танчи. Тогда рѣшили взять съ собой и раненыхъ, размѣстивши ихъ въ линейкахъ.

Пока мы собирались, изъ-подъ Сяхотана пришелъ 4-й полкъ нашей дивизіи, бывший въ бою. На пологомъ склонѣ сопки полкъ сталъ располагаться бивуакомъ. Живо выросли ряды козель изъ ружей, задымились костры подъ развѣшанными котелками, забѣлѣли палатки, поднялся говоръ и шумъ.

Мы выступили изъ Кутяцзы уже въ пятомъ часу вечера. Дорога была очень грязная и носила слѣды недавняго наводненія: мѣстами были вымыты съ водой, мѣстами занесены кучи мусора, затянута иломъ, попадались глубокія борозды ручьевъ, встрѣчались поломанные деревья, разбитыя китайскія арбы и даже 2—3 трупа животныхъ. Движеніе наше сильно затруднялось. Особенно долго возились съ обозомъ при переправѣ черезъ одинъ переваль по скользкой и испорченной дорогѣ. Много хлопотъ доставляли лазаретныя линейки, громоздкія и неуклюжія.

Въ Танчи мы прибыли лишь въ 10 часовъ вечера, при полной темнотѣ, усталые и голодные, грязные, измокшіе. Здѣсь работалъ 2-й полевой подвижной госпиталь нашей дивизіи. Сюда были сданы привезенные въ линейкахъ раненые, здѣсь же любезно пріютили госпитальные врачи и насъ, порядочно стѣснивъ при этомъ себя самихъ.

Врачи, госпитальный священникъ и прочій мужской персоналъ помѣщались въ небольшой фанзѣ, занявши почти цѣлую половину ея рядомъ своихъ кроватей. На противоположной сторонѣ былъ канъ, который отдѣлялся отъ кроватей проходомъ аршина въ полтора. На канѣ стояли ящики съ медикаментами. Когда мы прибыли, ящики вынесли въ стѣни, чтобы освободить мѣсто намъ для ночлега. За чаемъ завязалась у насъ оживленная бесѣда о происшествіяхъ дня. Мы узнали, что въ Танчи ливень произвелъ еще большія разрушенія, чѣмъ въ Кутяцзы. Былъ снесенъ обозъ, кажется, Моршанскаго полка, разбросано много мѣшковъ съ сухарями и дру-

гима припасами, погибло 18 лошадей и нѣсколь-
ко людей. Былъ сильно испорченъ и размытъ
мостъ на рѣчкѣ. Во время этой катастрофы от-
личился особеннымъ самообладаніемъ и самоот-
верженіемъ госпитальный аптекаръ, молодой
нѣмецъ Густавъ Христіанъ, который спасалъ
людей съ большимъ рискомъ для собственной
жизни.

Былъ уже двѣнадцатый часъ ночи, когда мы
кончили свой чай. Усталость давала себя знать и
всѣ начали ложиться спать: хозяева на своихъ
кроватьяхъ, а мы на канѣ, постеливши госпиталь-
ныя одѣяла, а подъ головы положивши кто слу-
чившіяся подушки, а кто просто сѣдѣльныя сумы.

Команда наша расположилась недалеко отъ
госпиталя, на тѣсной площадкѣ, мало просохшей.

Бѣдные солдаты! Въ этотъ день имъ особенно
досталось: предвѣдущую ночь и утро 15 іюня
они возились съ ранеными, потомъ спасали
лазаретное имущество, затѣмъ, безъ обѣда, сѣдѣ-
лали походъ по грязной дорогѣ, многіе въ
мокрой одеждѣ, работая у обоза и, въ
заключеніе, имъ пришлось почти на грязи
устанавливать свои постели. Другого, болѣе удоб-
наго мѣста не было, да и искать то его въ
темнотѣ было невозможно.

Въ слѣдующіе дни намъ привозили изъ Ку-
тяцзы различныя вещи, утраченныя во время
наводненія: кому сапоги, шаровары, кому подуш-
ку, сюртукъ, фотографическую карточку. Конечно,
все это было въ трудно узнаваемомъ видѣ. Впро-
чемъ, нѣкоторымъ посчастливилось получить об-
ратно наиболѣе существенныя и цѣныя вещи
сравнительно мало испорченными. Доставили и
нѣкоторыя принадлежности лазаретнаго имуще-
ства. Всѣмъ этимъ занимался одинъ взводъ на-
шей команды, оставшійся въ Кутяцзы со смот-
рителемъ для починки поломанныхъ казенныхъ
вещей и разыскиванія унесенныхъ водѣй.

Нѣкоторыя вещи были найдены за нѣсколько
верстъ отъ Кутяцзы внизъ по теченію ручья.
Ихъ ловили и складывали въ стоявшихъ тамъ
частяхъ войскъ, а оттуда уже ихъ разбирали по

принадлежности. Были найдены винтовки съ согнутыми штыками и даже стволами.

Мы прожили въ госпиталѣ что-то около 3—4 сутокъ. Въ фанзѣ была постоянная толчея, аптекарь возился со своей аптекой въ стѣнахъ, гдѣ мимо него постоянно ходили взадъ и впередъ и мѣшали работѣ. Это его не мало удручало, а главное, непроизводительно утомляло.

При первой же возможности мы постарались освободить нашихъ любезныхъ и терпѣливыхъ хозяевъ отъ своего присутствія. Какъ только побосхла грязь, мы перешли на свой бивуакъ въ большую палатку. Переходъ этотъ ознаменовался особымъ торжествомъ: въ первый разъ у насъ на столѣ появился самоваръ, на дняхъ привезенный изъ Харбина. Изъ самовара мы и угощали пришедшихъ къ намъ на «новоселье» госпитальныхъ товарищей.

Не смотря на жаркіе дни, мѣсто, гдѣ сталъ нашъ бивуакъ, просыхало медленно, а потомъ появился еще непріятный запахъ, какъ оказалось, отъ разлагающихся сухарей и другихъ продуктовъ въ мѣшкахъ. Они были снесены во время наводненія изъ сосѣдняго полкового обоза и затянута иломъ, а потому мы ихъ сразу и не замѣтили. Конечно, началась энергичная чистка, сдѣлавшая положеніе бивуака сноснымъ.

Тѣмъ не менѣе въ командѣ у насъ начались усиленные заболѣванія гриппознаго и малярійнаго характера: съ девяти число приходящихъ больныхъ быстро возросло до пятидесяти. Въ Танчи мы питались мясными консервами почти ежедневно. А эта пища скоро надоѣдаетъ, вѣроятно, благодаря металлическому привкусу, хотя и слабому, но непріятному, какой иногда замѣчается въ супѣ изъ консервовъ. Солдаты не разъ заявляли мнѣ, что «консерты» или «компрессы» «душа не примаешь». Такое питаніе поддерживало желудочно-кишечныя разстройства въ командѣ, но съ этимъ по необходимости приходилось мириться: послѣ ливня дороги были почти непроходимы и добывать въ достаточномъ количествѣ убойный скотъ въ то время было невоз-

можно. По той же причинѣ и хлѣбъ у насъ бывалъ не всегда удовлетворительный. Случалось, что его везли изъ хлѣбопекаренъ болѣе сутокъ и онъ на пути частью успѣвалъ прорости плѣсенью.

Заболѣваемость повысилась не у насъ только, а и въ другихъ частяхъ нашего корпуса. Госпиталь во все время нашего пребыванія въ Танчи былъ переполненъ. Въ теченіе 7—9 дней черезъ руки госпитальныхъ врачей прошло болѣе тысячи человѣкъ, главнымъ образомъ, съ лихорадками и поносами. Большую часть больныхъ доставилъ 3-й полкъ 1-й дивизіи нашего корпуса. Этотъ злослучный полкъ прославился своей заболѣваемостью послѣ наводненія, которое случилось вслѣдъ за Сихотанскимъ сраженіемъ, гдѣ участвовалъ полкъ. Всѣхъ больныхъ тамъ набралось около 1500 человѣкъ. Больные ежедневно прибывали партіями человѣкъ по 100 и болѣе. Въ ожиданіи пріема они располагались кучками на землѣ, у воротъ госпитальнаго двора, лежа и сидя въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Каждый имѣлъ при себѣ свою амуницію и оружіе.

Усиленная заболѣваемость въ этомъ полку обратила на себя общее вниманіе. По слухамъ, было назначено слѣдствіе, которое выяснило худое питаніе солдатъ, будто бы отъ недодачъ—и не исполнѣ внимательное отношеніе къ своему дѣлу со стороны медицинскаго персонала. Командующій будто бы сказалъ, что не смѣщаетъ командира полка (недавно вступившаго въ эту должность) лишь во вниманіе къ хорошимъ отзывамъ начальства о его прежней службѣ.

Всѣ госпитальныя фавзы были въ эти дни переполнены. Чтобы имѣть возможность принять вновь прибывающихъ больныхъ, госпиталь отправлялъ всѣхъ отдохнувшихъ и способныхъ къ передвиженію больныхъ въ санитарные поѣзда и въ ближайшіе госпитали въ Дашичао. Около госпиталя нерѣдко появлялись двуколки съ крытымъ верхомъ. Сюда переносили больныхъ, по два человѣка въ каждую двуколку. А затѣмъ по скверной дорогѣ эти двуколки длинной вер-

ницей медленно тянулись къ мѣсту назначенія, въ сопровожденіи фельдшера, а въ случаѣ надобности и врача.

Такимъ образомъ, дѣятельность госпиталя сіюю обстоятельствомъ въ это время сводилась почти только къ приему и эвакуаціи больныхъ. Наблюденія больныхъ, въ строго клиническомъ смыслѣ этого слова, производить здѣсь не было возможности и госпиталь напоминалъ скорѣе что-то въ родѣ «медицинскаго этапа», чѣмъ лечебное заведеніе. Но какъ бы тамъ ни было, а работы у госпитального служебнаго персонала было болѣе чѣмъ достаточно и на нее обыкновенно уходилъ весь день съ небольшими перерывами.

Во все это время нашъ лазаретъ продолжалъ приводить себя въ порядокъ послѣ перенесеннаго наводненія. Пользуясь яркими солнечными днями, у насъ просушивали все подмоченное имущество, чистили загрязненное, чинили испорченное. И намъ, врачамъ, пришлось позаботиться о приведеніи въ порядокъ своего имущества. Изъ унесенныхъ водою вещей нами обратно получены были далеко не всѣ, а потому являлась настоятельная нужда возстановить хотя самое необходимое. Съ этой цѣлью отъ лица всей пострадавшей компаніи я отправился въ Инкоу для закупки бѣлья, одѣяль, съѣстныхъ припасовъ и пр.

Поездка въ Инкоу.

Мы поѣхали вдвоемъ со зрителемъ, которому надобно было купить въ Инкоу сѣна для лазаретныхъ лошадей. До Даничао верстъ около 15—18 мы ѣхали верхомъ, а тамъ, оставивши лошадей въ 1-мъ госпиталѣ нашей дивизіи, пересѣли въ поездъ желѣзной дороги. До самаго Инкоу дорога шла по ровной мѣстности, покрытой зеленью. Попадались небольшія болота.

Станція находилась вдали отъ города, версты на четыре выше по теченію Ляо-хэ. Здѣсь стояли, кажется, два батальона пѣхоты на охранѣ. Изъ вагона я отправился прямо на Ляо-хэ, нанималъ китайское судно и поѣхалъ въ городъ.

Вода въ рѣкѣ была очень мутна, даже грязна. Ширина Ляо-хэ колебалась въ зависимости отъ морскихъ приливовъ и отливовъ; въ данный моментъ она равнялась приблизительно ширинѣ нашей Волги въ низовьяхъ.

Я вѣхалъ на небольшой, всуклюжей, четырехугольной шлюпкѣ, суживающейся кпереди. Передній край ея былъ немного вздернутъ надъ водой и закругленъ наподобіе саннаго передка. Судномъ управлялъ одинъ китаецъ. Онъ дѣйствовалъ рулевымъ весломъ, двигая имъ вправо и влево вродѣ того, какъ рыбы двигаютъ своимъ хвостомъ. Когда подулъ вѣтерокъ, мой возница поставилъ на длинномъ бамбуковомъ шестѣ парусъ, сдѣланный изъ разнаго тряпья и роговъ, укрѣпленныхъ на параллельныхъ тростинахъ, которыя были расположены въ одинъ рядъ, очень близко другъ къ другу и перпендикулярно къ длинному шесту. Такое устройство паруса давало возможность очень быстро разворачивать его, а равно и свертывать, смотря по надобности.

На набережной Инкоу были гостиницы и магазины въ европейскомъ стилѣ, а за набережной слѣдовали уже чисто китайскія постройки и улицы со свойственнымъ имъ запахомъ и пылью. Но шумъ и толчея здѣсь были во много разъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо изъ видѣнныхъ мною. Я нѣсколько часовъ бродилъ изъ лавки въ лавку, закупаая на русскія бумажки и серебро различныя принадлежности походнаго обихода. У китайцевъ все было сравнительно недорого, ну, а «культурные» торговцы на набережной (англичане и нѣмцы, или нѣмецкіе евреи, хорошо не знаю) называли за все двойныя цѣны. Въ гостиницѣ на набережной, куда я зашелъ пообѣдать, сидѣли за столами кучки офицеровъ. Они шумно обсуждали текущія событія. Общее настроеніе было оживленное. Между столами сновавали въ своихъ длинныхъ костюмахъ «бойки», съ гладко выбритыми со лба головами, прилизанными, лоснящимися, черными волосами и длинными косами. „Бойки“ еле успѣвали удовлетворять непрерывныя требованія посѣтителей. Ихъ

лотныя и утомленныя лица показывали, что трудъ этотъ былъ не легокъ.

День склонялся къ вечеру, а всего нужнаго закупить мнѣ не удалось. Поэтому я рѣшилъ переночевать на станціи и докончить свое дѣло завтра. Забравши свои корзины съ покупками, я отправился на станцію, опять въ шлюпкѣ. Плыть пришлось противъ довольно быстрого теченія и потому гораздо медленнѣе, чѣмъ утромъ. На грязно-сѣрой поверхности рѣки было много судовъ, такихъ же неуклюжихъ, какъ и взятая мною шлюпка, но разной величины. Суда бороздили воду во всевозможныхъ направленіяхъ, то на парусахъ, то при помощи весель—рулей. Вездѣ стояли молчаливые кормчіе, со скуластыми, бронзово-желтыми лицами, грязные, въ оборванныхъ китайскихъ кофтахъ и штанахъ, босые. У однихъ на головахъ были повязанные чепчикомъ грязныя тряпки, у другихъ головы открыты и обмотаны ксами. Одни везли пассажировъ, большею частію русскихъ военныхъ, другіе—разный грузъ.

Среди всѣхъ этихъ судовъ на рѣкѣ раздавалась протяжная русская пѣсня. Это было весьма необычно среди окружающей обстановки и потому невольно привлекало вниманіе. Скоро шлюпка съ пѣвцами оставила за собой остальные и мы поѣхали параллельно, хотя и на значительномъ разстояніи. Пѣли трое казаковъ, напрягая, повидимому, всѣ свои голосовыя средства. Когда мы сблизились, между казаками можно было видѣть стоявшую бутылку, болѣе чѣмъ наполовину опорожненную. Около бутылки на развернутой бумагѣ лежала какая-то закуска. Всѣ трое по очереди выпивали. Одинъ изъ нихъ, наливши стаканчикъ, протягивалъ его надъ водой ко мнѣ, предлагая выпить «за компанію». Но насъ разлучили кормчіе: почему-то одновременно повернувши свои шлюпки въ разныя стороны. Мы стали удаляться другъ отъ друга, а казакъ все стоялъ съ протянутой рукой и что-то говорилъ себѣ подъ носъ. Потомъ опять раздалась ихъ пѣсня.

Когда я прибылъ на станцію, уже начало смеркаться. Вещи мои быстро забрали солдаты и снесли на вокзалъ, а я пошелъ знакомиться съ мѣстомъ. Лѣвый берегъ Ляо-хэ, гдѣ стояли станціонныя постройки, крутъ и мѣстами обрывистъ. Здѣсь были свалены груды сѣна, около которыхъ уже ходили покупатели, офицеры и штатскіе и разговаривали съ китайцами на ужаснѣйшемъ жаргонѣ изъ исковерканныхъ на китайскій ладъ русскихъ словъ, среди которыхъ вставлялись китайскія.

— Ходя, сѣно ю?

— Еся... Твая купи, капитанъ?

— Моя купи.

— Сколь пуда?

— Лямпай пуда.

— А... туа сотъ. Еся.

— Тошо чена и пуда?*) И такъ далѣе.

До моего слуха донеслись стройные мелодичные звуки военного оркестра. Это было большой неожиданностью. Я пошелъ на звуки и скоро попалъ въ небольшой, но довольно тѣнистый садъ, съ цвѣтниками и дорожками. Музыканты играли на площадкѣ среди деревьевъ. Въ саду стоялъ большой деревянный домъ съ террасой. Здѣсь помѣщался командиръ и штабъ полка, части котораго стояли на охранѣ въ этой мѣстности. Въ аллеѣ, ведущей къ дому, собралась большая группа офицеровъ, среди которыхъ на скамейкѣ сидѣлъ командиръ полка. Офицеры разспрашивали его о ходѣ дѣлъ. Полковникъ сообщалъ, между прочимъ полученное имъ извѣстіе, что, если не завтра, то послѣ завтра ожидается бой подъ Гайчжоу и что станція эта будетъ оставлена нами.

Часовъ въ десять вечера садъ началъ пустѣть. Я отправился почевать въ одинъ вагонъ второго класса, стоявшій на запасномъ пути. Сюда уже набралось порядочно народу. Многіе спали.

Утромъ на другой день, плывя по Ляо-хэ въ Инкоу, я замѣтилъ мокрую пологу земли, саже-

*) Сколько стоитъ одинъ пудъ.

ней въ 25—30 шириной, тянувшуюся вдоль отлогого праваго берега рѣки. Это былъ слѣдъ схлынувшей во время отлива воды, что составляеть здѣсь обычное явленіе. Въ городѣ я пробылъ недолго и, покончивъ съ покупками, въ тотъ-же день къ вечеру пріѣхалъ въ Дашчао. Здѣсь, въ 1-мъ госпиталѣ, оказались наши лазаретныя повозки, пріѣхавшія за сѣномъ. Сюда я и сдалъ свои корзины съ покупками.

На свой бивуакъ, въ Танчи, мы прибыли на слѣдующій день. Вся наша компанія оживилась по этому случаю. На столѣ появился самоваръ, начались разспросы о видѣнномъ, слышанныхъ новостяхъ, стали разбирать и осматривать покупки.

Послѣдніе дни въ Танчи.

За время моего отсутствія нашъ лазаретъ успѣлъ настолько привести все въ порядокъ, что могъ выступить въ дальнѣйшій путь, если бы это понадобилось. Госпиталь продолжалъ работать попрежнему. Попрежнему сюда прибывали больные, главнымъ образомъ изъ одного и того же злополучнаго полка. Послѣдній ради предосторожности заставили чуть ли не въ третій разъ смѣнить мѣсто бивуака и теперь палатки полка бѣлѣли на склонѣ одной сопки, версты полторы-двѣ отъ насъ. По вечерамъ оттуда доносились звуки полкового оркестра. У насъ въ командѣ появилось двое больныхъ сибирской язвой*). Ихъ отправили въ госпиталь, гдѣ были двое, или трое такихъ же больныхъ изъ другихъ частей войскъ. Вѣроятно, въ виду всѣхъ тревожныхъ явленій въ санитарномъ состояніи войскъ, изъ штаба корпуса было получено у насъ распоряженіе составить комиссію изъ двухъ врачей и офицера (смотрителя лазарета) для санитарнаго ос-

*) Впослѣдствіи оба выздоровѣли.

мотра деревни Танчи, гдѣ, кромѣ госпиталя и дивизионнаго лазарета, расположился такъ же штабъ корпуса и другія части. Обо всемъ найденномъ былъ составленъ протоколъ и представленъ кому слѣдуетъ. Теперь я не могу точно припомнить, что именно нашла санитарная коммиссія, но насколько мнѣ не измѣняетъ память, отклоненія отъ требованій гигиены были найдены въ разныхъ мѣстахъ, въ томъ числѣ и въ районѣ того именно учрежденія, отъ котораго исходила забота о санитарномъ благоустройствѣ войскъ.

Слѣдующіе дни у насъ шли въ ожиданіи распоряженій о дальнѣйшемъ движеніи лазарета. Время текло однообразно, безъ опредѣленнаго дѣла. Непрерывная канцелярская работа была только у дивизионнаго врача. Съ утра до вечера сидѣлъ этотъ неутомимый труженикъ у своего походнаго стола за кучей всякихъ бумагъ, пакетовъ и «дѣлъ» въ синихъ обложкахъ. Какъ-то разъ онъ ѣздилъ по дѣламъ службы въ штабъ дивизіи, верстъ за 14, въ Чжу-цзя-гоу, куда перешелъ штабъ послѣ достопамятнаго наводненія 15 іюня въ Кутяцзы. На обратномъ пути дивизионный врачъ заблудился, вдобавокъ пошелъ еще сильный дождь, мѣшавшій правильно ориентироваться въ мѣстности. Пришлось руководиться различными догадками и разспросами китайцевъ во встрѣчныхъ деревушкахъ. Но китайцы эти почти совершенно не понимали по-русски и не всегда понимали даже названія китайскихъ деревень, произносимыя по ихъ обозначеніямъ русскими буквами. Все-таки дивизионный врачъ кое-какъ добрался до своего бивуака. Ъхать ему пришлось одному, по незнакомымъ пустымъ полямъ и дорогамъ. За чаемъ у насъ начались разговоры о случившемся приключеніи, о слышанныхъ новостяхъ, о чаяніяхъ и гаданіяхъ касательно ближайшаго будущаго.

Другимъ «событіемъ» въ эти дни, уже совсѣмъ, такъ сказать, «выдающимся», было появленіе плѣннаго японца. Его привели въ штабъ

корпуса. Сразу собралась большая толпа солдатъ, которая наполнила не только фанзу, куда ввели плѣннаго, но даже и улицу противъ штаба. Плѣннаго разсматривали какъ диковиннаго звѣря: то руку у него пощупаютъ, опредѣляя насколько крѣпки его мускулы, то вещь какую нибудь потрогаютъ. Японецъ былъ одѣтъ въ короткую тужурку и шаровары цвѣта хаки, голенищи, гажется, изъ брезента и кожаные башмаки. На головѣ у него была фуражка прусскаго образца, съ желтымъ околышемъ и маленькой звѣздочкой на немъ, на плечи накинутъ плащъ изъ черной, плотной, шерстяной матеріи, съ башлыкомъ. Въ боковыхъ карманахъ у него нашли чистое полотенце, мыло и книжку съ крупными надписями (священными). Плѣнный держался спокойно, нѣсколько озираясь кругомъ, на вопросы отвѣчалъ кратко. Поймалъ его нашъ солдатъ. Солдатъ пошелъ въ кусты: видѣть, ползутъ два китайца и японецъ. Онъ бросился на послѣдняго, отнялъ у него ружье и забралъ японца вмѣстѣ съ китайцемъ, другой китаецъ убѣжалъ. Съ плѣннымъ говорилъ одинъ изъ офицеровъ штаба, немного мараковавшій по-японски. Пойманный китаецъ сидѣлъ тутъ же на корточкахъ, уныло опустивъ свою бритую со лба голову. Конецъ длинной косы его былъ въ рукѣ конвойнаго солдата. По окончаніи опроса обоихъ пойманныхъ куда-то увели и всѣ разошлись.

Мы стали уже тяготиться своимъ пребываніемъ въ Танчи на тѣсномъ и, не смотря на принятые мѣры, всетаки сыромъ и неудобномъ мѣстѣ. Поэтому всѣ были довольны, когда получили, наконецъ, приказъ о выступленіи.

Продолженіе отступленія.

Изъ Танчи мы выступили 27 іюня въ извѣстную уже деревню Цянь-чжай-цзы, гдѣ были въ началѣ іюня. По дорогѣ, какъ и прежде, кое гдѣ попадались слѣды разрушенія, причиненнаго

двѣнадцать дней тому назадъ ливнемъ. По всѣмъ признакамъ и здѣсь потокъ воды былъ широкій и сильный.

Переpravившись черезъ нандалинскій переваль, мы стали подходить къ Цянь-чжай-цзы. Было жарко и пыльно. Вотъ показалось и бывшее мѣсто нашего бивуака. Наша уютная зеленая площадка была теперь вытоптана, изрыта канавками и занята нѣсколькими маленькими палатками. Отъ огорода съ деревьями, гдѣ подвизался тогда «грамофонъ» остались жалкіе слѣды. Дорога подъ пригоркомъ у деревни, на протяженіи десятковъ саженой была занята громадной лужей. Самая деревня была уже не такъ многолюдна, какъ прежде и замѣтно опустѣла: исчезли куда то женщины и дѣти, да и мужского населенія стало меньше.

Намъ пришлось остановиться, немного пройдя мѣсто бывшего бивуака, въ сторонѣ за деревней, на гаоляновомъ полѣ, у дороги. Солнце было еще довольно высоко, когда мы стали на новомъ мѣстѣ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ шумѣла команда, устранивая свой бивуакъ; около насъ разчищали мѣсто для большой палатки, тутъ-же фыркали наши еще не разсѣдланные лошади, пощипывая траву. А сами мы сидѣли кто на камнѣ, кто на землѣ и на корточкахъ, склонивъ свои запыленные и потные лица и ожидали, когда люди устроятъ нашу палатку. Въ нѣсколькихъ шагахъ подъ вліяніемъ небольшого вѣтра волновалась зеленая чаща гаоляна, который уже достигалъ груди взрослого человѣка. Мы молчали, невольно прислушиваясь къ шелесту гаоляновыхъ листьевъ, сливавшемуся въ одинъ непрерывный, убаюкивающій шумъ.

Тогда одинъ изъ насъ торжественно изрекъ:

— Гаолянъ шумитъ подобно морю....

А другой послѣ паузы прибавилъ:

— А житье наше подобно горю....

Всѣ разсмѣялись и съ тѣхъ поръ эти двѣ классическія фразы верѣдко вспоминались въ нашихъ походныхъ разговорахъ.

Вскорѣ послѣ насъ пришелъ изъ Чжу-цзя-гоу и штабъ дивизіи и расположился гдѣ-то въ районѣ деревни Цянь-чжай-цзы, занявши между прочимъ, фанзу.

Второй госпиталь изъ Танчи ушелъ куда-то на сѣверо-западъ.

Передъ боемъ.

Дня черезъ два послѣ того, какъ мы устроились на новомъ мѣстѣ, прошелъ слухъ, что близокъ бой. Говорили, что японцы заняли Танчи и подвигаются по направленію къ Дашичао.

Начальникъ нашей дивизіи и офицеры штаба отправились осмотрѣть мѣстность и выбрать позиціи. Главная позиція предполагалась на одной сопкѣ, стоящей нѣсколько особнякомъ отъ другихъ. Здѣсь намѣчалось мѣсто нахожденія начальника дивизіи во время боя. Сопка эта находилась версты на $2\frac{1}{2}$ —3 почти прямо къ востоку отъ насъ. Ее стали быстро укрѣплять. Вскорѣ послѣ этого ради любопытства я отправился туда. Сопка была настолько полого, что я легко пробрался до самой вершины верхомъ на лошади.

Земляныя работы, повидимому, подходили здѣсь къ концу, а можетъ быть и совсѣмъ были окончены. По крайней мѣрѣ, на сопкѣ было тихо и пусто, на склонѣ ея были уже вырыты окна, а на плоской вершинѣ сдѣланы полукруглыя выемки, вѣроятно для орудій; тутъ-же поблизости находился небольшой блиндажъ, покрытый сверху землей и дерномъ.

Когда я выѣхалъ на сопку, изъ маленькой двери блиндажа быстро выскочилъ солдатъ безъ фуражки и въ неподпоясанной розовой рубахѣ. Онъ приложилъ въ видѣ козырька руку надъ глазами, морщась и закрываясь отъ солнца и изъ-подъ руки внимательно посмотрѣлъ на меня. А потомъ, не сказавши ни слова, солдатъ быстро юркнулъ въ блиндажъ. На сопкѣ снова стало тихо и пусто.

Возможность близкаго боя выяснялась довольно опредѣленно. Въ виду опасеній, какъ бы во время боя непріятельскіе снаряды не стали ложиться въ районѣ лазарета, намъ предложили отойти заблаговременно куда-нибудь въ сторону отъ предполагаемой площади обстрѣла и открыть перевязочный пунктъ. Такъ какъ японская артиллерія, по мнѣнію свѣдущихъ людей, должна была стрѣлять въ данной мѣстности съ востока и юго-востока на западъ и сѣверо-западъ, то самымъ цѣлесообразнымъ для насъ являлось передвиженіе на сѣверъ. Въ эту сторону и отправился дивизионный врачъ съ нѣкоторыми изъ насъ поискать удобнаго мѣста для бивуака и предстоящей работы дивизионнаго лазарета.

2-го іюля мы перешли на другое мѣсто, версты на двѣ почти прямо на сѣверъ отъ нашего бивуака у Цянь-чжай-цзы. Мы стали въ окрестности деревушки Цао-гуань-тунь, среди зеленыхъ полей гаолява, чумизы и картофеля. Волей-неволей пришлось часть полей потоптать и срыть.

Согласно полученному распоряженію, у Цао-гуань-тунь, въ ожиданіи боя, былъ развернутъ главный перевязочный пунктъ. Мѣсто здѣсь было холмистое. Всѣ большія лазаретныя палатки (ихъ всего 4) и бивуакъ команды расположились въ низинѣ, около дороги. А наши офицерскія палатки раскинули на небольшомъ холмѣ, покрытомъ травой. Предъ палатками на четырехъ высокихъ стойкахъ устроили изъ полотнищъ навѣсъ, служившій намъ общей столовой.

Мы ждали всѣ, что вотъ-вотъ начнется бой. Но прошелъ день, другой, третій, а все было тихо. Время текло медленно, такъ сказать, въ «напряженномъ бездѣльи», когда и дѣла фактического не было и въ то же время чувствовалась какая-то утомленность и неспособность сосредоточиться на какой-либо опредѣленной работѣ. Изю дня въ день мы жили слухами и газетными извѣстіями. Газеты и письма получались изъ полевой почтовой конторы въ Дашичао. Изрѣдка появлялись у насъ китайцы съ мѣшками и кор-

зинами, которыя они обыкновенно носили на коромыслахъ. Китайцы приносили, какъ и прежде, куръ, яйца, овощи. Сравнительно съ прежнимъ временемъ цѣны на эти продукты повысились, но немного и въ общемъ все было недорого. Насколько помню, курица стоила что-то около 40 коп., десятокъ яицъ около 25—30 к.

Не смотря на то, что мы жили въ полѣ, у насъ всетаки набралось очень много мухъ, особенно надоѣдавшихъ въ «столовой». А въ Дашичао, куда приходилось ѣздить то за покупками, то на почту, обиліе мухъ составляло уже значительную тягость для каждаго обывателя. Мухи были не только въ жилыхъ помѣщеніяхъ: тысячи ихъ летали на улицахъ и на площадяхъ.

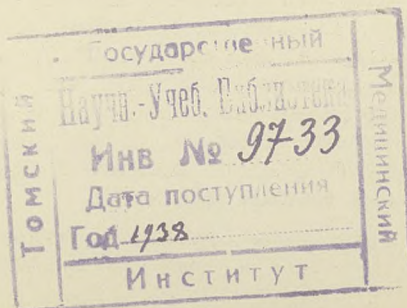
Состояніе здоровья нашей команды съ уходомъ изъ Танчи значительно улучшилось. Количество приходящихъ больныхъ (лихорадящихъ и желудочно-кишечныхъ) довольно быстро пошло на убыль. Не малую долю благотворнаго вліянія на уменьшеніе заболѣваній нужно отнести и на то, что теперь мы получили возможность оставить консервы и питать команду свѣжимъ мясомъ. Повидимому это отразилось на желудочно-кишечныхъ заболѣваніяхъ. Въ первыхъ числахъ іюля на пріемы являлись ежедневно 12 и 13 такихъ больныхъ, при чемъ питаніе консервами продолжалось непрерывно съ 30 іюня. 5-го, 6-го и 7-го іюня варилось свѣжее мясо и къ 7 іюля количество больныхъ съ 13 уменьшилось до 7, а къ 10-му—до 5 человѣкъ. Здѣсь будетъ вполнѣ уместно замѣтить, что аналогичное явленіе въ единичныхъ случаяхъ наблюдалось и въ Танчи, во второй половинѣ іюня 1904 г.: желудочно-кишечное расстройство ослаблялось и прекращалось, когда тотъ, или иной больной переставалъ употреблять хотя бы только одинъ супъ изъ консервовъ, который, судя по металлическому привкусу, главнымъ образомъ и обладалъ вредными свойствами.

Мы, «чины» дивизионнаго лазарета, не благодествовали на новомъ мѣстѣ такъ, какъ лаза-

ретная команда. Инфлюэнца, перебравшая въ предшествовавшіе дни многихъ солдатъ, теперь перешла и на насъ. Мы всѣ почти переболѣли. Нѣкоторымъ пришлось лежать въ постели дней по 5—7 съ повышенной температурой, достигавшей иногда безъ малаго 40°. При этомъ былъ значительный острый катарръ кишечника. Отправляться въ госпиталь никому не хотѣлось и всѣ кое-какъ перемогались. На наше счастье во все это время кругомъ была невозмутимая тишина до 10 іюля. А въ этотъ день мы всѣ уже были на ногахъ и готовы къ предстоящей работѣ.

10-го іюля начался на юго-западѣ, а 11-го разгорѣлся по всему фронту бой подъ Дашичао.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Цена 40 коп.

БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Пособина и Т-ва
„Усачевъ и Ливень“ въ Томскѣ.